

Ирина Такала

Финны советской Карелии и их вклад в развитие республики (1920-е – первая половина 1930-х годов)

Период с 1920 по 1935 г. в истории советской Карелии, когда автономную республику возглавляли бывший член финляндского парламента от Социал-демократической партии Финляндии доктор философии Эдвард Гюллинг и видные деятели СДПФ и КПФ из числа красных финнов-иммигрантов, в западной историографии принято называть финским периодом¹. Действительно, составляя в начале 1920-х гг. менее одного процента, а в 1933 г. лишь 3,2 процента от всего населения края, финны занимали высокие должности в советском, партийном, государственном аппарате, руководили крупными предприятиями, учреждениями, организациями вроде МОПРа и Осоавиахима, работали в области культуры, образования, науки. Многие становились кадровыми военными – значительную часть рядового состава и почти весь офицерский корпус Карельской егерской бригады составляли военнослужащие финской национальности. В отечественной исторической литературе лишь в последнее десятилетие стали уделять серьезное внимание этому феномену², причем оценки деятельности финнов в республике в 1920-е и начале 1930-х гг. даются самые противоречивые. В настоящей статье нам хотелось бы сосредоточиться на том вкладе, который финские иммигранты внесли в развитие советской Карелии.

Финны советской Карелии

С 1918 по 1935 г. было три больших эмиграционных волны, вызванных к жизни целым комплексом политических и экономических

¹ *Кангаспуро М.* Финская эпоха Советской Карелии // В семье единой: Национальная политика партии большевиков и ее осуществление на Северо-Западе России в 1920–1950-е годы / Под ред. Т. Вихавайнена и И. Такала. Петрозаводск, 1998. С. 123–160; *Кангаспуро М.* Neuvosto-Karjalan taistelu itsehallinnosta. Nationalismi ja suomalaiset punaiset Neuvostoliiton vallankäytössä 1920–1939. Helsinki, 2000.

² В семье единой...; Финны в России: история, культура, судьбы. Петрозаводск, 1998; *Килин Ю.* Карелия в политике советского государства. 1920–1941. Петрозаводск, 1999; *Такала И. Р.* Финны в Карелии и в России. История возникновения и гибели диаспоры. СПб., 2002; *Мусаев В. И.* Россия и Финляндия: миграционные контакты и положение диаспор (конец XIX в. – 1930-е гг.). СПб., 2007.

причин и обусловленных изменениями, происшедшими в мире после российской революции. По причинам миграции, времени прибытия и месту исхода финских эмигрантов советского периода можно условно разделить на три основные группы – политэмигранты (красные финны), перебежчики и североамериканские переселенцы.

Первая большая волна эмиграции из Финляндии связана с поражением там рабочей революции в мае 1918 г. Тысячи участников событий и членов их семей, спасаясь от преследований, покинули страну. Часть эмигрантов бежала в Швецию и другие государства, но большинство предпочло искать убежища в советской России. Весной 1918 г. в Петроград прибыло 6 тыс. беженцев¹. Политэмигранты и их семьи продолжали прибывать в Россию вплоть до начала 1930-х гг. В Карелию, например, ежегодно в среднем прибывало 100–120 человек². Являясь наиболее активной в политическом отношении частью диаспоры и будучи в большинстве своем членами ВКП(б) и номенклатурными работниками, люди эти постоянно перебрасывались с места на место по воле партийных органов, что чрезвычайно затрудняет подсчеты. В общей сложности численность этой группы иммигрантов, по различным подсчетам, могла достигать 10–13 тыс. чел.³

В Карелию первые политэмигранты прибыли уже в 1918 г., хотя численность их сначала была невелика, не более 500 чел. за 1918–1920 гг. Главным образом это были деятели СДПФ и КПФ, которые должны были оказать помощь в создании Карельской Трудовой Коммуны и установлении советской власти в национальных районах. Карельская автономия строилась и укреплялась усилиями таких известных людей, как Эдвард Гюллинг, Иоганн Ярвисало, Сантери Нуортева, Густав Ровио, Яакко Мяки и др. В начале 1920-х гг. приток красных финнов в республику нарастает, и к 1926 г. численность финской диаспоры Карелии увеличилась до 2,5 тыс. чел. (0,9 % от всего населения края). Основными местами расселения политэмигрантов были Петрозаводск и Петрозаводский уезд (49 % всего финского населения республики, причем половина из них в самом Петрозаводске), а также крупные национальные карельские районы – Ухтинский (20,4 %) и Олонецкий (13,2 %) ⁴. Политическая активность красных финнов использовалась советским руководством в самых различных сферах –

¹ *Коронен М. М.* Финские интернационалисты в борьбе за власть Советов. Л., 1969. С. 103.

² Подсчитано по: Перепись населения АКССР 1933 г. Вып. 3. Петрозаводск, 1935. С. 16–17.

³ *Такала И. Р.* Финны в Карелии и в России... С. 20; *Saarela T.* Suomalaisten kommunismin synty 1918–1923. Tampere, 1996. S. 27.

⁴ Подсчитано по: Всесоюзная перепись населения 1926. М., 1928. Т. 1. С. 178–181.

в управлении и производстве, образовании и культуре. Они составили и политическую элиту республики. В 1923–1924 гг., например, среди членов ЦИК Карелии финны составляли около 26 % и около 21 % – в уздных исполнительных комитетах¹.

На начало 1930-х гг. приходится две других крупных эмиграционных волн. Уже в 1920-е гг. в Россию начинают прибывать первые группы переселенцев, эмигрировавших ранее из Финляндии в США и Канаду, однако массовый характер эмиграция финнов из Северной Америки приобретает в начале 1930-х гг.

В 1931 г. руководство Карелии с разрешения Москвы начинает широкомасштабную вербовку квалифицированных рабочих кадров среди этнических финнов Америки. За счет иммигрантов республиканское руководство планировало повысить производительность труда в основной отрасли – лесозаготовках и завершить процессы формирования национальных рабочих кадров. Вербовке, которую проводили специально созданные для этого организации (Комитет технической помощи Карелии в Америке, Переселенческое управление в Петрозаводске), предшествовала широкая пропагандистская кампания, развернутая финноязычной левой прессой США и Канады. Большинство переселенцев искренне верили в возможности нового общества «освобожденного труда», а экономический кризис, захлестнувший Европу и Америку, только укреплял эту веру. Финны надеялись обрести в Карелии работу по душе и внести свою посильную лепту в дело построения социализма. Трудовой договор заключался с переселенцами на два года, однако многие собирались обосноваться в России навсегда. Они ехали с семьями, везли с собой технику, оборудование, валюту. Всего за 1931–1934 гг. в Карелию из США и Канады переехало свыше 6 тыс. чел. (треть из них женщины и дети). Трудились североамериканские финны в лесном комплексе республики, а также в других отраслях промышленности, в сельском хозяйстве, культуре. Самые крупные американские колонии были в Петрозаводске, Кондопоге, Прионежском и Пряжинском районах².

Еще одна крупная эмиграционная волна явилась следствием экономического (а отчасти и политического) кризиса в Финляндии. Начиная с 1930 г. большие группы людей, спасаясь от голода и безработицы, переходили финляндско-советскую границу на всем ее протяжении. Определенную роль сыграла и пропагандистская кампания,

¹ Статистический обзор 1923–1924 гг. Петрозаводск, 1925. С. 46, 48.

² Подробнее см.: *Такала И. Р.* В поисках Эльдорадо. Североамериканские финны в довоенной Карелии // Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск, 1993. С. 91–110; *Kero R.* Neuvosto-Karjalaa rakentamassa. Helsinki, 1983.

развернутая карельским руководством и финляндскими коммунистами в связи с политикой вербовки рабочих кадров. По различным оценкам, в 1930–1934 гг. из Финляндии в Советский Союз ушло от 12 до 15 тыс. чел.¹ Эта категория иммигрантов сразу же попадала в карантинные лагеря ОГПУ, откуда, после проверки, людей направляли на работу в различные регионы Союза или в систему ГУЛАГа (за нелегальный переход границы тогда давали до трех лет лагерей). После 1932 г. большую часть перебежчиков оставляли работать в непограничных районах Карелии и Ленинградской области. В отличие от остальных иммигрантов, финперебежчики оказались в самых худших условиях, мало отличимых от лагерных. Они жили в специальных поселках, находились под постоянным контролем ГПУ, не имели документов, не могли самостоятельно покинуть место работы. Практически все, вне зависимости от профессии, использовались на тяжелых строительных, лесозаготовительных, горнорудных работах².

К середине 1930-х гг. численность финнов в Карелии достигла примерно 15 тыс. чел. (с учетом реэмиграции), две трети из них составляли иммигранты из Финляндии³. Данные таблицы позволяют в определенной степени судить о том, в каких отраслях хозяйства республики прежде всего были заняты переселенцы.

Финны — члены профессиональных союзов (процент к общему количеству учтенных членов данного союза)⁴

Профессиональные союзы	1926	1928	1930	1933
Работники просвещения	8,2	11,1	15,5	30,9
Печатники	3,4	14,3	3,9	30,2
Работники искусств	—	Нет сведений	—	24,5
Работники бумажной промышленности	—	—	14,5	20,9
Работники коммунального хозяйства и транспорта	1,7	3,0	1,1	18,6
Строители	Нет сведений	2,9	2,6	14,0
Сельскохозяйственные и лесные рабочие	1,5	7,4	5,3	12,5
Работники общественного питания	—	—	6,2	9,4
Горнорабочие	7,0	6,7	4,0	7,5

¹ *Kostiainen A.* Loikkaarit: suuren lamakauden laitton siirtolaisuus Neuvostoliittoon. Helsinki, 1988. S. 57–64, 83; *Takala И. Р.* Финское население Советской Карелии в 1930-е годы // Карелы. Финны. Проблемы этнической истории. М., 1992. С. 158.

² См.: *Takala I.* Loikkareiden kohtalo Neuvosto-Karjalassa asiakirjojen kuvaamana // Kahden Karjalan välillä Kahden Riikin riitamaalla. Joensuu, 1994. S. 173–180.

³ Подробнее см.: *Takala И. Р.* Финское население Советской Карелии в 1930-е годы. С. 150–175.

⁴ Составлена по: АКССР. Ежегодник. 1929. Петрозаводск, 1931. С. 87; АКССР. Краткий статистико-экономический справочник. 1923–1933. Петрозаводск, 1933. С. 93. В таблицу включена лишь та группа профсоюзов, где численность финнов была наибольшей.

Многие иммигранты, прежде всего те, которые были членами коммунистических или социал-демократических партий Финляндии и Северной Америки, вступали в ВКП(б). К 1933 г. число финнов – членов партии большевиков достигло 1,5 тыс. чел. (10 % от общей численности республиканской парторганизации)¹.

Таким образом, своеобразие этнической и политической ситуации в Карелии в 1920-е – начале 1930-х гг. заключалось в том, что у руля в республике с русским и карельским населением (причем карелы даже не составляли большинства, хотя и дали название автономии) находилась небольшая группа финнов политэмигрантов, на плечи которых и было возложено строительство только что созданной автономии. Подобная ситуация могла сложиться только при условии полного одобрения, до поры до времени, политики красных финнов в республике со стороны руководства страны. Как только отношение московских властей к приграничной автономии и деятельности правительства Гюллинга меняется, приходит конец финскому периоду в истории Карелии.

Становление автономии

Точнее финский период в истории советской Карелии было бы датировать 1923–1935 гг. Образование Карельской Трудовой Коммуны в 1920 г. было обусловлено, как известно, несколькими факторами, самыми важными из которых стали события в Беломорской Карелии и политическое давление Финляндии на Россию в ходе тартуских мирных переговоров. В сложной политической ситуации правительство советской России принимает предложения, сформулированные Эдвардом Гюллингом в ряде заявлений и документов 1918–1920 гг. Суть предложений сводилась к тому, чтобы посредством образования «особой Карельской коммуны, границами которой были бы Белое море, Онежское озеро, финляндская граница и Ледовитый океан» разрешить главные проблемы: удовлетворение национальных интересов карельского населения, лишение Финляндии оснований претендовать на Восточную Карелию и создание плацдарма для «революционирования не только Финляндии, но и всей Скандинавии»². По мнению Гюллинга, эта поистине «революционная стратегия» должна

¹ Подсчитано по: Карельская организация КПСС в цифрах. 1921–1984. Петрозаводск, 1985. С. 72.

² Письмо Э. Гюллинга Ю. Сиrolа // Всекарельский съезд представителей трудящихся карел, 1–3 июля 1920 г. Первый всекарельский съезд советов, 11–18 февраля 1921 г. Протоколы. Петрозаводск, 1990. С. 257–258.

претворяться в жизнь теми, кто хорошо понимает суть карельского вопроса, а именно: красными финнами. Вопрос о Карелии рассматривался на заседаниях Политбюро ЦК РКП(б) с участием В. И. Ленина, и 7 июня 1920 г. ВЦИК «в целях борьбы за социальное освобождение трудящихся Карелии» принял постановление об образовании из местностей Олонецкой и Архангельской губерний, населенных карелами, автономного областного объединения – Карельской Трудовой Коммуны¹. Для проведения всей организационной работы был назначен временный орган власти – Карельский Комитет (позднее Карельский революционный комитет – Карревком), в состав которого вошли финны Эдвард Гюллинг, Яакко Мяки и карел Василий Куджиев.

Согласно декрету ВЦИК и СНК РСФСР от 4 августа 1920 г. территория КТК включала 18 волостей Олонецкого, Петрозаводского, Повенецкого уездов Олонецкой губернии и 19 волостей Кемского уезда Архангельской губернии, а также города Кемь, Олонец и Петрозаводск, ставший административным центром нового образования². Территориальный вопрос дебатировался долго. В конечном итоге в целях создания «наиболее благоприятных объективных условий для всестороннего политического, экономического и культурного развития всех народов области» в состав Коммуны были включены и районы с русским населением. Это, впрочем, не повлияло на первых порах на соотношение в национальном составе республики: титульная нация – карелы – составляли в ней большинство (60 %) ³.

Однако уже через два года территория КТК была значительно увеличена за счет смежных с ней районов РСФСР. В сентябре 1922 г., в связи с упразднением Олонецкой губернии, Коммуне были переданы Повенецкий (8 волостей и г. Повенец) и часть Пудожского (5 волостей и г. Пудож) уездов. Население увеличилось почти на 58 тыс. человек, из которых русские составляли около 99 %, карелы 0,5 %, финны 0,1 %. В результате этих (временных, как говорили тогда) территориальных приобретений национальный состав республики необратимо изменился – удельный вес русских возрос до 55,7 %, карел же снизил-

¹ Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. 1920. № 53. Ст. 232; Карелия в период гражданской войны и иностранной интервенции. 1918–1920. Сборник документов и материалов. Петрозаводск, 1964. С. 537. Постановление вступило в силу после его опубликования – 8 июня 1920 г., поэтому именно эта дата считается официальной датой создания КТК.

² Красная Карелия: Сборник материалов официального характера... Петрозаводск, 1925. С. 18–19.

³ Подсчитано по: Статистический ежегодник Карелии 1922. Петрозаводск, 1923. Вып. II, ч. 1. С. 12–13.

ся до 42,7 %¹. Известно, что инициатива включить эти районы в состав КТК исходила во многом от населения этих мест и районного руководства². Гюллинг и его сторонники выступали против их присоединения, поскольку эти бедные отдаленные русские территории ни в экономическом, ни в национальном отношении не были нужны автономии. Однако это присоединение было жизненно важным для районов, все транспортные связи которых были замкнуты исключительно на Петрозаводск³. В 1923 г. к Кемскому уезду были присоединены принадлежавшие ему ранее пять поморских волостей Онежского уезда Архангельской губернии, также населенные преимущественно русскими.

К лету 1923 г., когда республика была преобразована в Карельскую АССР, ее территория возросла до 144,6 тыс. км², а население — до 210,2 тыс. чел.⁴ В 1924 г. к Карелии отошли Ладвинская и большая часть Шелтозерско-Бережной волости Лодейнопольского уезда Ленинградской губернии с населением в 12 тыс. чел., из них около 9 тыс. (75 %) вепсов⁵. Тогда же республике были переданы острова Белого моря, прилежавшие к Кемскому уезду. В результате всех этих преобразований к концу 1924 г. площадь КАССР составляла 146,3 тыс. км² и на этой территории проживало около 233 тыс. чел. — примерно 54 % русских, 40,6 % карел, 3,8 % вепсов, 0,5 % финнов.

На протяжении последующих 14 лет территория республики оставалась неизменной, лишь в 1927 г. на смену уездно-волостному делению пришло районирование, разделившее Карелию на 26 районов.

В процессе создания КТК вопрос об основных принципах автономии остался нерешенным, и шла острая борьба между красными финнами и руководством продолжавшей существовать Олонецкой губернии, считавшим автономию временным образованием, своего рода дипломатическим шагом советской России в ходе тартуских мирных переговоров с Финляндией. Борьба усугублялась конфликтами в

¹ Подсчитано по: Статистический ежегодник Карелии 1922. С. 12–13; АКССР. Статистический обзор 1923–24. Петрозаводск, 1925. С. 6–10.

² См., например: Национальный архив Республики Карелия (далее — НА РК), ф. Р-550, оп. 1, д. 1/15, л. 186–208.

³ Интересна трактовка этих событий Пеккой Кауппала, который считает, что с присоединением Пудожья и Заонежья КТК достигла своих оптимальных восточных границ. Реальная же русификация Карелии происходит намного позже и по другим причинам (*Кауппала П.* Формирование и расцвет автономной Советской Карелии, 1918–1929. Забытый успех раннесоветской национальной политики // *Ab Imperio*. 2002. № 2. С. 325–326).

⁴ АКССР. Статистический обзор 1923–24. С. 10. См. также: *Покровская И. П.* Население Карелии. Петрозаводск, 1978. С. 33.

⁵ Очерки истории Карелии. Петрозаводск, 1964. Т. 2. С. 181.

самом руководстве КТК, персонифицировавшимися в противостоянии Гюллинга и Куджиева, а также разногласиями внутри финляндской эмиграции¹. Решающим же фактором в определении судьбы карельской автономии стало совпадение предложений Гюллинга с тогдашней национальной политикой большевиков. Разногласия, существовавшие в московском руководстве относительно статуса и уровня карельской автономии², не помешали, тем не менее, принять принципиальное решение о создании автономной республики. При этом была сделана ставка на внешние силы – финских политэмигрантов, поскольку ни петрозаводское, ни архангельское руководство само не проявляло никакого интереса к карельскому вопросу, а в среде местных карельских националистов (Временный комитет Беломорской Карелии) не было большевиков.

В первые два года существования КТК Карревком, находившийся в конфликте со всеми региональными властями и раздираемый внутренними противоречиями, фактически не располагал никакими реальными рычагами власти. Истинное закрепление за красными финнами их руководящей роли в КТК происходит после карельского восстания 1921–1922 гг., заставившего центр осознать необходимость действенной помощи своему проекту. В конце января 1922 г. в Петрозаводске состоялась внеочередная конференция финских коллективов РКП(б) Карелии. Доклад Гюллинга «Общеполитическая сторона карельского вопроса» был посвящен итогам развития коммуны за полтора года и планам на будущее. Председатель Карревкома констатировал, что Коммуна не выполнила тех задач, которые возлагались на нее весной 1920 г. Главная причина этого – отношение к Карелии как к обычной русской губернии. «Только под воздействием бандитизма, – сказал Гюллинг, – высшие партийные органы стали понимать, что карельский вопрос и финляндский рабочий вопрос тесно связаны. Карелия и финляндская революция влияют друг на друга». После восстания следует показать населению, «что КТК является их государством, что нападение осуществила финляндская буржуазия, которая помешала строить карелам жизнь». По мнению Гюллинга, для этого следовало ввести карельский язык во всех учреждениях коммуны, а затем преобразовать ее в советскую республику, строя-

¹ Подробнее об этой борьбе см.: *Левкоев А. А.* Финляндская коммунистическая эмиграция и образование карельской автономии в составе РСФСР (1918–1923) // *Общественно-политическая история Карелии XX века*. Петрозаводск, 1995. С. 24–50; *Churchill S.* Itä-Karjalan kohtalo 1917–1922. Porvoo; Helsinki, 1970. S. 164–173; *Kangaspuro M.* *Op. cit.* S. 70–99.

² *Каунтала П.* Указ. соч. С. 318; *Килин Ю.* Указ. соч. С. 77–87.

щую свои отношения с советской Россией на основе двустороннего договора. До его подписания Карелия должна быть провозглашена автономной республикой, обладающей большими правами, чем другие автономные республики РСФСР. «Если сейчас не привлечь карел к строительству коммуны, — резюмировал Гюллинг, — и не проводить принципиально иной политики, то идеи, проявившие себя столь мощно, вновь заявят о себе и с еще большей силой»¹.

Таким образом, Гюллинг настойчиво старался проводить в жизнь свою концепцию автономии и при этом несколько откорректировал взгляды на языковой вопрос. Противоречия в Карревкоме в значительной степени возникли из-за языковой проблемы. Гюллинг и Мяки выступали в первые месяцы существования КТК за введение финского языка в качестве национального для всех карел. Олонецкий карел Куджиев, поддерживаемый большей частью русской бюрократии Петрозаводска, выступал за русский в качестве литературного языка для всех карел, кроме беломорских, для которых в виде исключения он предлагал допустить использование карельского или финского языков². К моменту образования КТК литературного карельского языка не существовало, хотя в конце XIX — начале XX в. появляется достаточно много литературы, главным образом церковных текстов, на карельских диалектах. Теоретически у руководства коммуны было три перспективы: брать за основу литературный финский, литературный русский или разрабатывать литературный карельский язык. Однако при отсутствии единого карельского языка и наличии нескольких сильно отличающихся друг от друга диалектов создание литературного карельского языка могло быть лишь весьма долгосрочной перспективой. Тем не менее после восстания в Беломорской Карелии Гюллинг уже говорит о введении в делопроизводство республики карельского языка, точнее, финны предлагали двуязычие («карело-финский» и русский языки) в администрации и образовании, что, по их мнению, должно было сблизить местное население с советской властью³.

Московское руководство в конечном итоге поддержало линию Гюллинга. В 1922 г. в Карелию начинают поступать первые существенные финансовые вливания и в широком объеме возобновляются

¹ Левкоев А. А. Финляндская коммунистическая эмиграция... С. 46–47.

² Кауппала П. Указ. соч. С. 322–323; Барон Н. Региональное конструирование карельской автономии // *Ab Imperio*. 2002. № 2. С. 294–298.

³ О равноправии карело-финского и русского языков на территории республики говорилось в пункте 6 постановления ВЦИК и СНК СССР «Об Автономной Карельской Советской Социалистической республике» (Карелия в период восстановления народного хозяйства, 1921–1925. Сб. документов. Петрозаводск, 1979. С. 59–61).

лесозаготовительные работы, которые помогли быстро справиться с массовым голодом и безработицей. Летом 1922 г. Олонецкая губерния была ликвидирована со всеми своими институтами, главные оппоненты красных финнов Василий Куджиев и Петр Анохин были переведены на другую работу. В Карелии были сформированы единые органы власти и партийная организация, которую возглавил Иоганн Ярвисало. Окончательное утверждение политическая линия Гюллинга получила на второй областной партийной конференции осенью 1922 г. Информировав Сталина о ее итогах, секретарь Северозападного бюро ЦК РКП(б) Б. Позерн отмечал, что она помогла установить надуманность фактов финнизации и «злостную агитацию... небольшой кучки обрусевших карел», хватавшихся за прежние разногласия и разочарованных утратой власти¹. Закономерным результатом изменений, происшедших в 1922 г., стало преобразование в июле 1923 г. КТК в Автономную Карельскую ССР.

Сохранение Восточной Карелии в составе советской России и создание карельской автономии, таким образом, в значительной степени являлись результатом деятельности Гюллинга и его сторонников, активных деятелей созданной в 1918 г. в Москве Коммунистической партии Финляндии. Недаром секретарь Коминтерна красный финн О. В. Куусинен назвал создание АКССР «важным итогом нашей общей работы»². Советской Карелии в качестве «образцового общества на границе с Финляндией» было предназначено «подготовлять в идейном отношении почву для Финляндской революции»³.

Вклад финнов в развитие экономики Карелии

В начале 1920-х гг. экономика автономной Карелии находилась в катастрофическом состоянии. И без того отсталое хозяйство было подорвано гражданской войной, деревни опустели – после восстания 1921–1922 гг. свыше 1/3 населения Беломорской Карелии эмигрировало в Финляндию, край остался практически безлошадным, голод повсеместно стал реальной действительностью⁴. Руководству КТК предстояло поднимать республику из руин, и в этих условиях опыт Гюллинга, доцента статистики Хельсинкского университета, профессионального экономиста, специалиста по крестьянскому вопросу, трудно переоценить.

¹ Левкоев А. А. Финляндская коммунистическая эмиграция... С. 49.

² Карелия в период восстановления народного хозяйства, 1921–1925. С. 59.

³ Письмо Э. Гюллинга Ю. Сиrola. С. 258.

⁴ НА РК, ф. П-3, оп. 1, д. 80, л.79.

Еще в 1920 г. были разработаны долгосрочные экономические планы развития промышленности, энергетики, транспорта и подготовлено их финансовое обоснование¹. В апреле 1921 и 1922 гг. по настоянию Гюллинга СНК РСФСР принимает постановления о срочных работах по развитию народного хозяйства Карелии, в которых были определены первоочередные задачи подъема экономики КТК. Краеугольным камнем всей концепции было предоставление республике особых бюджетных прав, которых не имели другие автономии. Карелия получила право самостоятельно формировать свой бюджет, освобождалась от уплаты общероссийских налогов вплоть до 1924 г. и получала от государства значительные долгосрочные ссуды, в частности для строительства бумажной фабрики и электростанции в Кондопоге, развития горной промышленности, закупки продовольствия для населения. Кроме того, республиканские власти получили исключительные права распоряжаться 25 % доходов от экспорта карельского сырья для закупки за границей необходимых товаров и оборудования². Следствием этих решений было быстрое экономическое развитие края, начавшееся уже в 1922 г.

В основе экономического подъема Карелии были лесозаготовительные работы, масштаб которых к концу 1920-х гг. вырос по сравнению с 1914 г. почти в 4 раза³. Осенью 1922 г. был создан трест карельского подчинения Кареллес, продукция которого шла в основном на нужды автономии и Мурманской железной дороги⁴. Лесозаготовки не только пополняли государственную казну, но и обеспечивали работой и дополнительным заработком крестьян, которые не в состоянии были прокормиться только сельским хозяйством. К концу НЭПа крестьянские лесные владения увеличились примерно в полтора раза⁵.

Помимо увеличения лесозаготовок, удалось добиться и реального подъема обрабатывающей промышленности благодаря строительству бумажного комбината и затем целлюлозного завода в Кондопоге. Источником энергии для них стала электростанция, начавшая работу в 1929 г.

В период с 1923/24 до 1928/29 гг. доля промышленности в валовом продукте Карелии выросла с 7 до 62 %. Одновременно происходило и

¹ Афанасьева А. И. Начало // Краевед Карелии. Петрозаводск, 1990. С. 9–10.

² Красная Карелия: Сборник материалов официального характера. Петрозаводск, 1925. С. 27–29, 45–46.

³ Кауттала П. Указ. соч. С. 329.

⁴ Гардин Е. С. Советская Карелия в годы восстановительного периода (1921–1925). Петрозаводск, 1955. С. 48.

⁵ Кауттала П. Указ. соч. С. 329.

восстановление сельского хозяйства, которое в тот же период достигло уровня 1913 г. Реальный валовой рост производства в республике в 1920-е гг. в среднем составлял более 10 % в год, что было выше финских показателей того же периода¹. Бюджетные доходы в расчете на душу населения выросли с 34 рублей в 1924/25 гг. до 136 рублей в 1930 г.²

Большое значение для роста экономики и стабилизации ситуации в республике имела так называемая «пограничная политика» Э. Гюллинга. Одним из важнейших факторов развития экономики края он считал обеспечение условий для того, чтобы карельский крестьянин смог «перейти со стадии первобытного крестьянского хозяйства на более рациональные формы товарного производства»³. Суть «пограничной политики» заключалась в предоставлении целого ряда льгот национальным пограничным районам Карелии с целью «подтягивания» их до уровня экономического и культурного развития центральных русских районов автономии. В пограничной полосе снабжение населения отдельными дефицитными товарами производилось по более высоким нормам, чем в остальных районах республики: по чаю примерно на 20–25 %, коже – 30–40 %, мануфактуре – 100 %. Поставки хлеба превышали общереспубликанские нормы на 50 %. Для предотвращения контрабанды из Финляндии завозились товары, спрос на которые был особо велик: сапоги мягкой кожи особой выделки для лесозаготовок, особый род серого сукна финского производства, фланель, кофе и т. д.⁴ В целом план экономического развития пограничной полосы предусматривал целый ряд серьезных мероприятий:

- 1) максимальное увеличение объема лесных разработок;
- 2) сооружение вблизи финляндской границы крупных предприятий бумажной промышленности;
- 3) усиление геологоразведочных работ;
- 4) организация железорудных разработок и чугуноплавильного дела;
- 5) сооружение железнодорожных путей;
- 6) усиленная сельскохозяйственная электрификация и рост предприятий мелкой промышленности;
- 7) организация кустарных промыслов⁵.

¹ Кауппала П. Указ. соч. С. 327–329.

² Гюллинг Э. Героическое десятилетие // Карело-Мурманский край. 1930. № 7–8. С. 4.

³ Гюллинг Э. Бюджетные права Карелии // Экономика и статистика Карелии. 1926. № 7–8. С. 10.

⁴ НА РК, ф. П-3, оп. 2, д. 393, л. 23.

⁵ Там же, л. 2.

К началу 1930-х гг. в сфере действия «пограничной политики» находились все населенные карелами административные районы в полосе от Мурманской железной дороги до советско-финляндской границы с населением около 100 тыс. чел.¹

В целом суть концепции экономического развития Карелии, которую предлагали красные финны, заключалась в быстром и пропорциональном развитии всех отраслей хозяйства края на основе рационального использования ее богатых природных ресурсов, прежде всего лесных — их эксплуатация составляла фундамент всей экономики республики. При этом Гюллинг считал, что планы хозяйственного развития должны «рассматриваться детально и обсуждаться на местах»². На первом этапе средства для осуществления намеченных планов предполагалось получать из центра в виде ссуд, впоследствии следовало перейти на самофинансирование, используя значительные экспортные ресурсы республики. В качестве модели развития Карелии был избран пример соседней Финляндии, достигшей значительных успехов также на основе использования лесных ресурсов³. Заимствование финляндского опыта прослеживается во многих направлениях экономического развития, в частности в планах железнодорожного строительства в пограничных районах⁴, однако публично об этом не говорили⁵.

К сожалению, далеко не всем планам Гюллинга суждено было сбыться. Особые бюджетные права, предоставленные автономии, носили более ограниченный характер, чем планировали ее руководители. Переход на самофинансирование полностью осуществлен не был, центральные наркоматы имели право контролировать деятельность хозяйственных органов республики⁶. В подчинении центральных властей осталась Мурманская железная дорога, которой вскоре была передана значительная часть территории Карелии для экономического освоения и колонизации.

¹ НА РК, ф. П-3, оп. 2, д. 158, л. 1.

² Гюллинг Э. Плановые задачи Карелии // Экономика и статистика Карелии. 1925. № 1—3. С. 1.

³ *Autio S.* Suunnitelmatalous Neuvosto-Karjalassa 1928—1941. Helsinki, 2002. S. 318—319.

⁴ НА РК, ф. П-3, оп. 2, д. 393, л. 9.

⁵ Как заявил в январе 1926 г. на закрытом заседании пленума обкома партии Иоганн Ярвисало, «говорить об этом где-либо, в особенности говорить о равнении нашего хозяйства и т. д., с политической точки зрения нельзя, так как это будет им на руку, в особенности в Финляндии» (*Левкоев А. А.* «Правильная политика». Крестьянский фон политики финляндского коммунистического руководства Советской Карелии в 1920-е гг. // Национальная государственность финно-угорских народов северо-западной России (1917—1940). Сыктывкар, 1996. С. 26).

⁶ Подробнее см.: *Baron N.* Soviet Karelia. Politics, planning and terror in Stalin's Russia, 1920—1939. London; New York, 2007. P. 63—74.

В июне 1927 г. президиум Совета Национальностей ВЦИК СССР заслушал доклад Гюллинга об итогах развития республики за весь период автономии. Председательствующий на заседании А. Енукидзе должен был констатировать, что экономическая политика, проводимая в Карелии, «вполне себя оправдала и дала великолепные результаты». КАССР уверенно занимала первое место среди всех автономных республик РСФСР. Главную причину достижений республики Гюллинг видел именно в экономической самостоятельности, предоставленной ей правительством, хотя срок действия особых бюджетных прав Карелии не был четко установлен (первоначально он был ограничен 1924 г., а затем по ходатайствам республиканских властей ежегодно продлевался). В своем заключительном слове он говорил, что экономическая система, определенная этими правами, в Карелии только сложилась и только начинает действовать в полную силу — все ее преимущества окончательно проявятся в предстоящем пятилетии. Тогда по докладу Гюллинга было принято решение о продлении экономической самостоятельности Карелии, однако 1927 г. оказался высшей точкой ее развития¹.

Курс, взятый руководством страны на форсированную индустриализацию и плановое развитие хозяйства, предполагал усиление в экономике роли государства, что несло в себе серьезную угрозу национальному самоопределению советских республик и автономий в экономическом отношении. Подавляющее большинство наркоматов становится всесоюзными, и хозяйственное развитие окраин даже на уровне республик начинает определяться центром. Принятие первого пятилетнего плана и подчинение Карельской парторганизации Ленинградскому областному комитету ВКП(б) в 1928 г. означали фактический конец экономической автономии и постепенное исчезновение ее «типично финских характеристик»². Формально особые бюджетные права сохранялись за Карелией до конца 1930 г., однако на деле они были сильно ограничены включением республики во всесоюзные планы уже в рамках первой пятилетки. Карелия становится поставщиком сырья для советской промышленности. Объемы лесозаготовок в 1929–1930 гг. возросли в 8 раз по сравнению с 1922–1923 хозяйственным годом³, при этом с конца 1925 г. по предписанию Москвы трест Кареллес — важнейший источник доходов республики —

¹ *Афанасьева А. И.* Первая среди равных. 20-е годы: республиканский хозрасчет в Карелии // Ленинская правда. 1990. 10 января.

² *Autio S.* Op. cit. S. 318.

³ *Левкоев А. А.* Национально-языковая политика финского руководства Советской Карелии (1920–1935). Препринт доклада. Петрозаводск, 1992. С. 16.

начал экспорт леса по убыточным ценам¹. В сентябре 1930 г. Кареллес был присоединен к общесоюзному тресту Союзлеспром², и республика окончательно теряет экономическую автономию.

Начавшаяся в стране коллективизация положила конец «пограничной политике» Гюллинга — раскулачивание в пограничных районах «ввиду их близости с Финляндией» проводилась независимо от процента коллективизации. Впервые о «кулацкой опасности» в республике заговорили в 1928 г. Карельская специфика коллективизации и раскулачивания заключалась в том, что земледелие здесь носило натурально-потребительский характер и играло подсобную роль в народном хозяйстве. Колхозы явились удобной формой мобилизации рабочей силы на лесозаготовки. Большинство трудоспособных мужчин и рабочего скота были заняты в лесу и на сплаве, а в сельском хозяйстве главной рабочей силой стала женщина³. Вынужденные выполнять установки центра, карельские власти на первых порах все же сумели несколько смягчить методы проведения коллективизации. В 1930 г. уровень коллективизации в республике был 15 %, т. е. в 4 раза ниже, чем средний по СССР, и одним из самых низких среди национальных районов⁴. Лишь после нажима центра и усиления репрессий Карелия стала «догонять» другие регионы.

В целом период с 1930 по 1935 г. ознаменовался затяжной и в конечном итоге безуспешной борьбой карельского руководства за сохранение хотя бы части из достижений экономической автономии. Общесоюзные наркоматы не были заинтересованы в экономическом развитии периферийной республики, требовавшем повышенных капитальных затрат. Если план первой пятилетки был выполнен хотя бы в отношении объемов заготовки леса, то вторая пятилетка потерпела крах почти во всех отношениях⁵, в чем правительство Гюллинга было обвинено уже в самом начале пятилетки, в мае 1933 г. В 1934–1935 гг. республиканским властям удалось несколько улучшить кризисную социально-экономическую ситуацию в Карелии, явившуюся следствием «социалистического штурма» в стране⁶. Однако использование в экономическом планировании опыта соседней страны и

¹ Кангаспуо М. Финская эпоха Советской Карелии. С. 129.

² Сборник важнейших постановлений за 1929 — январь 1931 гг. по Карельской АССР. Петрозаводск, 1931. С. 55.

³ Никитина О. А. Коллективизация и раскулачивание в Карелии (1929–1932 годы). Петрозаводск, 1997. С. 116.

⁴ Там же. С. 117

⁵ См.: Килин Ю. Указ. соч. С. 132–139; История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск, 2001. С. 508–513; *Baron N.* Op. cit. P. 156–163.

⁶ НА РК, ф. Р-689, оп. 5, д. 26/183, л. 70.

недостаточные темпы коллективизации позволили центру обвинить республиканские власти в ориентации на Финляндию и «подсовывании» в качестве оздоровления и восстановления сельского хозяйства Карелии совершенно недопустимых «финских крупнокапиталистических кулацких принципов»¹. В дальнейшем обвинения красных финнов в «неспособности обеспечить хозяйственное развитие КАССР» стали одним из поводов для отстранения их от руководства республикой.

Миграционная политика красных финнов

После потери права экономического самоопределения единственным обоснованием существования автономии оставались ее национальные и культурные особенности. Однако и они оказались под угрозой в результате обусловленной индустриализацией широкой миграции населения.

Перемены, происходившие в стране, еще острее обозначили давнюю проблему республики – острую нужду в квалифицированной рабочей силе. В слабо населенной сельской Карелии формирование рабочих кадров шло в значительной мере за счет широкомасштабной вербовки – в республику активно привлекались промышленные кадры из соседних областей РСФСР и из-за рубежа. Производственные задания по лесозаготовкам постоянно увеличивались, ввоз же сезонных рабочих – а это ежегодно были десятки тысяч человек – оказался мероприятием дорогостоящим и малоэффективным. Карельское правительством неоднократно обращалось к руководству страны с просьбой разрешить ему коренным образом пересмотреть кадровую политику. В одном из таких обращений в Совнарком РСФСР, например, говорилось: «Быстрые темпы социалистического строительства и реконструкция народного хозяйства Карелии, ее переустройство в район промышленного значения требуют такого количества рабочей силы, что удовлетворить эту потребность за счет имеющегося населения является абсолютно невозможным. Положение усугубляется крайней дефицитностью квалифицированной рабочей силы и отсутствием в Карелии не только собственных национальных пролетарских кадров, но даже и основного ядра, вокруг которого можно было бы их организовать»².

При этом, чтобы ослабить опасность дальнейшей «денационализации» Карелии, красные финны в предлагаемой миграционной поли-

¹ НА РК, ф. П-3, оп. 3, д. 1, л. 3–4.

² Там же, ф. Р-690, оп. 1, д. 15/163, л. 46–47.

тике делали ставку на родственные финнам народы России и финнов из-за рубежа. В частности, выход из положения виделся республиканским властям в расширении переселенческих мероприятий и в увеличении притока рабочих-финнов из Северной Америки. В 1930 г. в США и Канаде насчитывалось около 173 тыс. финляндских иммигрантов¹. Лучшие из этих людей, по замыслам карельского руководства, должны были составить костяк национальных пролетарских кадров республики.

Поначалу предложения Карелии категорически отвергались верховными властями. ОГПУ СССР, Наркомат иностранных дел и Совнарком РСФСР мотивировали свои отказы тем, что «использование иностранных рабочих в советских условиях неэффективно»². Решения XVI съезда ВКП(б), вошедшего в историю как «съезд развернутого наступления социализма по всему фронту», коренным образом изменили ситуацию. Постановление съезда о «расширении практики посылки за границу рабочих и специалистов и приглашении иностранных инженеров, мастеров и квалифицированных рабочих в СССР»³ стало правовой основой для широкомасштабной вербовки в Карелию североамериканских финнов.

Осенью 1930 г. в Карелию прибыла первая небольшая группа лесорубов из Канады. Тогда же был, наконец, согласован с московским руководством вопрос о массовом переселении квалифицированных рабочих-финнов из Северной Америки. Отметим, что вопрос решался на самом высоком уровне, Гюллинг лично обговаривал его со Сталиным и Молотовым⁴. Так же как и в определении судьбы карельской автономии, решающим фактором в возможности проведения переселенческой политики стало совпадение предложений Гюллинга с тогдашней национальной и экономической политикой советского правительства.

В течение 1931–1932 гг. последовал целый ряд постановлений СНК СССР, РСФСР и Карелии, определявших количество привлекаемых на лесоразработки иностранных рабочих⁵, и массовое переселение финнов из Северной Америки в Карелию началось. Всего, как

¹ Андриайнен А. И. Движение пролетарской солидарности зарубежных финских трудящихся с Советской Карелией // 50 лет Советской Карелии. Петрозаводск, 1969. С. 184.

² НА РК, ф. Р-690, оп. 1, д. 17/181, л. 14–15, 17–18.

³ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1953. Т. 2. С. 589.

⁴ Рабочий класс Карелии в период построения социализма в СССР. 1926–1941. Петрозаводск, 1984. С. 8.

⁵ НА РК, ф. П-3, оп. 5. д. 276, л. 50–53.

уже отмечалось, в 1930–1935 гг. в республику переехало примерно 6,5 тыс. североамериканских финнов. Свыше трети из них составляли не занятые на производстве женщины и дети.

Помимо вербовки иностранных рабочих-финнов, ставка делалась на тверских карел, вепсов и ингерманландцев. Так, в постановлении Карельского СНК о контрольных цифрах по промпереселению на 1932 г. говорилось следующее: «Определить как минимум завоз постоянных кадров в порядке промпереселения в количестве 12.600 человек, в том числе за счет иностранной рабочей силы (Америка, Канада, Швеция) 5.000 чел.; из областей СССР в количестве 7.600 чел., из них тверских карел и ингерманландцев до 6.000 чел.»¹ Однако многие крупные предприятия и тресты, переданные в ведение общесоюзных органов, проводили самостоятельную вербовочную политику, совершенно не считаясь с постановлением Совнаркома о том, чтобы не менее 75 % завербованных из-за предела республики были национальными кадрами. Как следствие, в 1932 г. в Карелию на постоянное местожительство переселилось 64 813 чел., среди них было 38 вепсов (0,06 %), 1218 карел (1,9 %) и 7649 финнов (11,8 %, ингерманландцев среди них было 164 чел.²); доля русских в этом потоке составила 68,7 % (44 526 чел.), прочих – 17,6 % (11 382)³.

Всего же к 1933 г. «пришлого» население республики составляло 122,1 тыс. чел., из них 10 тыс. – временно пребывающие. Среди тех 112 тыс. человек, которые переселились на постоянное жительство, карелы составляли лишь 2,2 %, вепсы – 0,1 %, финны – 9,1 %, русские – 74,5 %, прочие – 14,1 %⁴.

Несмотря на свою малочисленность, финны многое сделали для экономики Карелии даже в неблагоприятный период первых пятилеток.

Иммигранты трудились в различных отраслях промышленности. Наиболее значимым был их вклад в развитие строительной отрасли (председатель Каржилсоюза Антон Уотинен, начальник Кондопожской стройконторы Калле Экман) или таких крупных предприятий, как Петрозаводская лыжная фабрика (директор Илья Туомайнен, технический директор Виктор Снельман), Кондопожский бумагоделательный комбинат (директор Ханнес Ярвямяки) и целлюлозный завод (зам. директора Ээро Антонен).

¹ Рабочий класс Карелии... С. 10.

² НА РК, ф. П-3, оп. 2, д. 783, л. 4.

³ Подсчитано по: Перепись населения АКССР 1933 г. Вып. III. Петрозаводск, 1935. С. 16–17, 47.

⁴ Подсчитано по: Перепись населения АКССР 1933 г. Вып. III. С. 16–17, 47.

Вообще Кондопожский район благодаря развернутому там широкомасштабному строительству оказался одним из главных мест расселения финнов-иммигрантов. Летом 1923 г. в соответствии с постановлением Совета Труда и Оборона (1921 г.) в Карелии была организована строительная организация «Кондострой» для возведения на реке Суне гидроэлектростанции и строительства бумажной фабрики. Иммигранты в строительстве Кондопоги внесли огромный вклад. Многие из них были квалифицированными рабочими, некоторые имели специальное техническое образование, что позволило им успешно трудиться на самых разных участках производства. К 1933 г. в поселке Бумфабрики (Кондопожский поселковый совет) проживало уже 744 финна (19,4 % жителей); столь высокой концентрации финского населения не было нигде в республике. Появляются к середине 1930-х гг. в районе и населенные пункты, где финны составляли больше 80, а порой и все сто процентов жителей (Кондопожский сельский совет). В д. Сюръги, например, финны образовали сельскохозяйственную артель «Mullistaja», их усилиями создавался и Сунский совхоз¹.

В становлении лесопромышленного комплекса республики велика роль американских финнов, 60 % которых трудились в системе Кареллеса. Новые орудия труда, привезенные иммигрантами (начиная со знаменитых лучковой пилы и канадского топора), новые технологии по рубке и вывозу древесины, умелая организация труда — все это имело большое значение для развития отрасли². На средства североамериканских финнов для Карелии было приобретено, по неполным подсчетам, машин, оборудования и инструментария на сумму более чем 500 тыс. долларов США, или 1 миллион рублей в золотой валюте³. Вырастают новые лесные поселки — Матросы, Вилга, Интерпоселок, Лососинное, население которых на три четверти было финским. Правда, появляются тогда в Карелии и финские лесные поселки другого рода (Керсонь, Падун, Сергиево, Железное), где на лесозаготовках в совершенно иных условиях работали под надзором органов безопасности перебежчики.

Американские финны стали в Карелии пионерами колхозного строительства. В 1922 г. в Олонецком районе ими была основана

¹ Такала И. Р. Финны в Кондопоге // Кондопожский край в истории Карелии и России. Петрозаводск; Кондопога, 2000. С. 211–214.

² Подробнее см.: Бекренев Н. Канадские лесорубы в Карелии. Петрозаводск, 1933; Тонкель И. Канадские лесорубы в Советской Карелии. Л., 1934; Kero R. Op. cit. S. 109–137.

³ Андриайнен А. И. Указ. соч. С. 194; Такала И. Р. Финны в Карелии и в России... С. 36–37.

первая сельскохозяйственная коммуна «Säde». Затем, в начале 1930-х, появляются другие финские коллективные хозяйства: «Hiilisuo» (Совхоз № 2), Сунский и Ильинский совхозы¹.

Национальный и языковой вопросы

Несомненно, значимым оказался вклад финнов в развитие образования в республике, хотя до сих пор серьезные споры вызывает языковая политика, проводившаяся финским руководством Карелии в 1920-е и в первой половине 1930-х гг. Действительно, история карельского языкового планирования представляет собой очень пеструю картину: за короткий срок, менее чем в 20 лет, был испробован целый ряд разных вариантов для решения языковых проблем карел. Такая непоследовательность была обусловлена не только диалектной и территориальной разобщенностью карельского языка, но и во многом политическими, в том числе внешнеполитическими, причинами.

До революции традиционным для карел языком образования и культуры был русский, хотя, как уже отмечалось, предпринимались попытки создания алфавита и издания брошюр на карельском языке. В приграничных волостях Повенецкого уезда Олонецкой губернии и в Беломорской Карелии отходнические промыслы и коробейничество способствовали распространению финской грамоты и финского языка.

С начала 1920-х гг. в советской Карелии, наряду с русским, начинает активно использоваться финский язык. В Финляндии карельские диалекты традиционно рассматривались как часть финского языка, такое представление нашло поддержку и у финского руководства Карелии². Впрочем, осуществление республиканскими властями национальной политики в Карелии не слишком отличалось от генеральной линии партии. Решение языкового вопроса и придание официального государственного статуса двум языкам – русскому и финскому – шли в русле решений ЦК РКП(б), Оргбюро которого еще в марте 1922 г. предписало руководству КТК ввести в учреждениях и школах коммуны наравне с русским языком финский³.

Вначале финский язык применялся преимущественно среди финнов и северных карел, говорящих на собственно-карельском наречии.

¹ Подробнее см.: *Петров И. А.* Коммуна «Сяде». Петрозаводск, 1930; *Kero R.* Op. cit. S. 137–153.

² *Анттикоски Э.* Стратегии карельского языкового планирования в 1920-е и 1930-е годы // В семье единой... С. 208.

³ НА РК, ф. Р-682, оп. 1, д. 1/5, л. 97.

Культурным языком подавляющего большинства ливвиков и люди-ков, карел южной части республики, оставался русский. С середины 1920-х гг. начинается активное расширение функций и сферы влияния финского языка, что было связано с политикой «коренизации», проводившейся по всем национальным окраинам Советского Союза. Согласно принципам этой политики, принятым на XII партийном съезде в 1923 г., важнейшей задачей партии стало преодоление фактического неравенства народов. Под равенством понимались не только экономическая развитость, но и управление национальных территорий коренными силами. Титульные народы каждой «национальной» территории должны были быть пропорционально представлены в аппаратах партии и государства, языком управления и преподавания должен был стать «национальный язык» и т. д. Десяткам малых народов начинают создавать свой литературный язык.

В Карелии политика «коренизации» называлась «карелизацией», но подразумевала введение финского языка (прежде всего в сфере народного образования) и выдвижение на руководящие посты как карел, так и финнов. В русле концепции о едином «карело-финском языке», в соответствии с которой карельским диалектам отводилась функция устного применения, а литературный финский язык должен был стать письменной формой выражения карельской речи, большинство школ национальных районов КАССР с середины 20-х гг. переводилось на финский язык. В результате к 1929/30 учебному году из 448 школ первой ступени лишь 198 (44 %) «обслуживали», как писали тогда, «русскую народность»; остальные 250 школ «обслуживали карело-финскую и чудскую народности», причем на русском языке из них работало только 59, остальные 191 – на финском. В Кестеньгском, Ухтинском, Кемирецком, Ругозерском, Ребольском и Видлицком районах не работало в том году ни одной русскоязычной школы¹. В 1932 г. уже 99,6 % детей карел обучались на финском языке². Школьная политика шла в русле всей национальной политики, проводимой финским руководством республики вплоть до середины 1930-х гг.

Столь же активным было использование финского языка в работе по ликвидации неграмотности среди взрослого карельского населения. В 1929 г. на нем обучался 21 % взрослых карел, а в 1932 г. уже

¹ Подсчитано по: Ежегодник 1929 года. Выпуск IV. Петрозаводск, 1931. С. 40–41.

² *Афанасьева А. И.* Народное образование в Советской Карелии в 1920–1930-е годы // Национальная государственность финно-угорских народов северо-западной России (1917–1940). Сыктывкар, 1996. С. 59.

70 % от всего обучавшегося в школах ликбеза взрослого карельского населения¹.

Впрочем, непременным условием «карелизации» выступало и использование местных диалектов. В соответствии с постановлением ЦИК АКССР 1924 г. «О национальной политике в Карелии» карельские диалекты следовало употреблять в устной форме деятельности органов советской власти, в школах и судах карельских местностей республики. Без этого трудно было бы обойтись — с населением надо было разговаривать на понятном ему языке. Во второй половине 1920-х гг. более чем в 50 % первых классов начальных карельских школ обучение начиналось на местном разговорном языке вне зависимости от основного учебного языка².

И в целом в 1920-х гг. введение финского языка не было чем-то самодовлеющим, стоящим отдельно от остальных аспектов жизнедеятельности республики. Финские эмигранты добивались создания таких условий, при которых, по словам председателя ЦИК республики А. Нуортева, литературный финский язык явился бы «естественным продолжением карельских диалектов»³. Объективно это могло способствовать складыванию уникальных предпосылок для консолидации карельских диалектов, устраняя рамки, ограничивавшие функции карельского языка тесным миром бытового общения. Однако при этом практически отрицался иной, противный движению к финскому языку, способ решения языкового вопроса в национальных районах республики.

В начале 1930-х гг. в прессе вспыхнула так называемая «языковая война» между финскими эмигрантами и сторонниками карельского литературного языка, во многом провоцируемая Москвой. Дело в том, что создание в 1930 г. карельской письменности для тверских карел поставило под сомнение правомерность употребления финского языка в советской Карелии. Наиболее активным и влиятельным борцом за право карел на родной язык стал тогда профессор Д. В. Бубрих. Видный ученик Н. Марра и знаток финно-угорских народов, Д. В. Бубрих добивался последовательного соблюдения победоносных принципов марровской науки, согласно которым языки были явлением надстройки и, следовательно, отражали классовую сущность

¹ *Афанасьева А. И.* Сосуществование и взаимовлияние русской и финской культур в Карелии (1920–1940 гг.) // Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск, 1994. С. 44.

² *Левкоев А. А.* Национально-языковая политика... С. 12–14.

³ *Нуортева А.* Проблема карельского языка в национальной политике АКССР // Карело-Мурманский край. 1927. № 3. С. 4.

того общества, продуктом которого являлись. В свете новой лингвистической ортодоксии буржуазный финский язык никак не мог быть национальным языком пролетарской Карелии. Бубрих резко разграничивал финский и карельский языки и даже обвинил сторонников финского языка в том, что они поддерживают «фашистских» финских теоретиков, писавших об общем финно-угорском праязыке, и тем самым обосновывают «великофинские» претензии по воссоединению всех финно-угорских соплеменников¹. Противостояние усугубило постановление Президиума Совета Национальностей ЦИК СССР от 25 апреля 1931 г., обязывавшее руководство Карелии приступить к созданию карельского литературного языка и переводу на него всей культурной работы².

И все же требование введения карельской письменности было отклонено. Осенью 1931 г. Карельский обком ВКП(б) принял постановление об «обслуживании национальных районов на финском языке и выделении таковых в особую группу районов, с вытекающими отсюда специальными мероприятиями». Продолжение употребления финского языка мотивировалось влиянием последнего на разговорную речь карел, в особенности на севере республики, значительными диалектными различиями карельского языка и результатами проведенного в 1920-е гг. референдума, в котором большинство якобы выступило в поддержку финского языка³. Смелость карельского руководства объяснялась тем, что в его поддержку выступило Политбюро ЦК ВКП(б), отменившее в июне 1931 г. решение Совета Национальностей. Позднее нецелесообразность перехода на карельский язык признал также Президиум ВЦИК СССР⁴. При этом из центра следовали инструкции о необходимости «усилить темп карелизации партийного, государственного, профсоюзного и кооперативного аппарата, школ и культурных учреждений».

Провоцируя ускорение «коренизации» в республике, московское руководство фактически проводило в жизнь политический принцип «разделяй и властвуй». В результате в начале 1930-х гг. происходит серьезная трансформация политики «карелизации», которая привела к методам силового решения языкового вопроса, когда введение

¹ См.: Бубрих Д. В. Какой язык — тверским карелам. Л., 1931; Бубрих Д. В. Карелы и карельский язык. М., 1932.

² НА РК, ф. П-3, оп. 2, д. 560, л. 83—107.

³ Вестник ЦИК АКССР. 1932. № 3. С. 10—11.

⁴ Афанасьева А. И. Культурные преобразования в Советской Карелии 1928—1940. Петрозаводск, 1989. С. 48; Punainen Karjala. 1931. 7 joulukuun.

финского языка становится самоцелью¹. Усиление финнизации наряду с экономическими трудностями и переменами в политической жизни обостряли напряженность между властью и населением, что дало возможность Москве уже в 1933 г. начать критику и национальной политики руководства Карелии.

Тем на менее трехлетняя форсированная финнизация не смогла затушевать основных достижений в деле национально-культурного развития края. В 1920 г. грамотность среди карельского населения едва достигала 24 %², национальной интеллигенции не было вообще. Создание национальных школ, ставшее одной из первоочередных задач республиканского руководства, потребовало значительных усилий по подготовке учительских кадров. Уже в 1920 г. в Петрозаводске был открыт финский педагогический техникум, куда съезжалась молодежь со всей республики и где преподавали такие известные люди, как профессиональный педагог и блестящий лингвист Хейно Раутио (директор техникума в 1921–1930 гг.), историк Лаури Летонмяки, биолог Вяйне Такала, естествовед Лео Мякелин, филологи Ханнес Пулकिनен, Урхо Туурала и другие. Наркомы просвещения иммигранты Иивар Ласси, Юрье Сирола, ингерманландец Иван Вихко вместе со своими коллегами Вяйне Кангасом, Виктором Сало, Айно Форстен и другие сумели многое сделать для развития в Карелии системы народного образования от начальной школы до высшей. К 1933 г. в республике работало свыше 500 школ (половина из них – национальные), полтора десятка техникумов, Педагогический институт, Высшая коммунистическая сельскохозяйственная школа.

В 1931 г. начинает свою деятельность первое академическое учреждение – Карельский научно-исследовательский институт, одним из создателей которого стал председатель СНК Эдвард Гюллинг. На первых порах в институте было всего 8 штатных сотрудников. Историко-революционную секцию возглавил Ээро Хаапалайнен, объединивший усилия немногочисленных в то время энтузиастов-исследователей для написания первых профессиональных трудов по истории Карелии и Финляндии. Этнографо-лингвистической секцией руководил по совместительству доцент пединститута Виктор Сало. Отлич-

¹ Подробнее см.: *Левкоев А. А.* Национально-языковая политика... С. 18–22; *Вихавайнен Т.* Национальная политика ВКП(б)/КПСС в 1920-е – 1950-е годы и судьбы карельской и финской национальностей // *В семье единой...* С. 21–26; *Кангаспуро М.* Финская эпоха Советской Карелии. С. 129–138; *Анттикоски Э.* Указ. соч. С. 211–214.

² От всего населения. Подсчитано по: Статистический ежегодник Карелии 1922 г. Вып. II, ч. I. Петрозаводск, 1923. С. 14–15.

ный лингвист, он изучил карельские диалекты и вепсский язык и стал одним из первых фольклористов и диалектологов Карелии¹.

К 1933 г. уровень грамотности карел возрос до 46 %, почти половина из них (48 %) владела финской грамотой или русской и финской одновременно². Постепенно складывались предпосылки для изучения и развития карельских диалектов, расширялись их общественные функции и, что очень важно, предотвращалось безудержное проникновение в лексику карельского языка русских заимствований. Объективно политика красных финнов, в том числе и их усилия по экономическому подъему национальных районов, способствовала консолидации карел автономной республики в целостную этническую общность.

Финны и национальная культура Карелии

Пожалуй, еще более значимым был вклад финнов в культурное развитие автономной республики. Успехи в экономике позволили в конце 1920-х гг. инвестировать в культуру и образование 12 % всех бюджетных расходов края. Это было в два раза выше, чем в среднем по СССР³.

Финны-иммигранты стояли у истоков национальной карельской литературы. В 1926 г. в Петрозаводске была создана первая писательская организация – Карельская ассоциация пролетарских писателей (КАПП), лидирующую роль в которой играли финны (в русской секции организации было 9 членов, в финской – 35). Это вполне закономерно, большинство литераторов-финнов начали писать и публиковались уже в Финляндии и Америке⁴. Свыше десяти лет руководителем республиканской писательской организации (с 1934 г. – карельское отделение Союза советских писателей) был поэт Ялмари Виртанен. Члены финской секции организации – Хильда Тихля, Оскари Иоганссон, Рагнар Руско (Нюстрем), Эмиль Паррас, Лаури

¹ Подробнее см.: *Такала И. Р.* Ээро Хаапалайнен – революционер, журналист, ученый (К 115 годовщине со дня рождения) // Политическая история и историография (От античности до современности). Петрозаводск, 1996. Вып. II. С. 187–193; *Takala I. Ihmiskohtalo // Karjalan Sanomat.* 1992. 21, 23 huhtikuu.

² От всего населения. Подсчитано по: Перепись населения АКССР 1933 г. Вып. I. Петрозаводск, 1934. С. 18, 40–41.

³ *Кауппала П.* Указ. соч. С. 330.

⁴ *Юликангас М.* «Равняйте ряды!». Писатели и власть в Советской Карелии в 1920–1930-х годах // Нормы и ценности повседневной жизни. Становление социалистического образа жизни в России, 1920–1930-е годы. СПб., 2000. С. 417–418; *Ylikangas M. Rivit suoriksi! Kaunokirjallisuuden poliittinen valvonta Neuvosto-Karjalassa 1917–1940.* Helsinki, 2004. S. 152–153.

Летонмяки, Вейкко Эрвасти и др. – сумели объединить вокруг себя талантливую карельскую молодежь, писавшую на финском языке¹. В 1920–1930-е гг. начинают свой творческий путь те, кто впоследствии составил гордость карельской литературы: Николай Лайне, Николай Яккола, Антти Тимонен, Яакко Ругоев. К 1933 г. в республике было 43 писателя и 6 литературных критиков, 75 % из них (37 человек) были финнами или карелами².

Выпуском художественной литературы на финском языке, наряду с политической, научной, учебной, занималось издательство «Kijä», основанное иммигрантами в 1923 г. в Петрограде (Карельский филиал создан в 1927 г.). В 1934 г. в Петрозаводском отделении издательства печатались две газеты и пять журналов и литературных альманахов на финском языке³. По числу названий и общему тиражу издаваемых книг «Kijä» занимала четвертое место среди национальных издательств России.

Издательское дело и финноязычную журналистику в Карелии развивали Теему Термяля, Хейно Раутио, Лаури Летонмяки, Калле Венто, Юрье Кому, Лююли Латукка, Кости Клемола, Матти Тенхунен и многие другие. Уже с ноября 1920 г. в Петрозаводске начала выходить областная газета «Karjalan kommuni», переименованная после образования КАССР в «Punainen Karjala». Тираж газеты постоянно возрастал: в 1923 г. он составлял 1350 экз., в 1928 – 3 тыс. экз., в 1931 – 14,5 тыс. экз.⁴ В начале 1930-х гг. газеты на финском языке издаются уже в большинстве северных национальных районов.

В 1920-е гг. в Карелии появляются первые национальные творческие коллективы. В 1921 г. при народном театре драмы была образована национальная труппа, возглавил которую бывший актер и руководитель любительских театров Финляндии Виктор Линден. Дело этого коллектива продолжил любительский театр «Karjalan näyttämö» («Карельская сцена») под руководством Санни Нуортева. В начале 1930-х гг. ряды актеров пополняются любителями, эмигрировавшими из Америки (труппа Кууно Севандера), и осенью 1932 г. открыл свой первый сезон Карельский национальный драматический театр. Художественным руководителем и режиссером театра до 1937 г. был профессиональный актер, педагог, писатель, сценарист Рагнар Нюстрем

¹ НА РК, ф. П-3, оп. 3, д. 210, л. 4–7.

² Юликангас М. Указ. соч. С. 429; *Ylikangas M.* Op. cit. S. 157.

³ Афанасьева А. И. Культурные преобразования в Советской Карелии. 1928–1940. С. 137; Аitto Э. Л. Советские финноязычные журналы. 1920–1980. Петрозаводск, 1989. С. 16–19.

⁴ Афанасьева А. И. Сосуществование и взаимовлияние русской и финской культур в Карелии (1920–1940 гг.). С. 44.

(литературный псевдоним Руско)¹. В репертуаре театра были пьесы драматургов Финляндии, а также финноязычных писателей Карелии и переводы советских авторов. Пьесы для театра писали и переводили Ялмари Виртанен, Лаури Луото, Эмели Паррас, Матти Хусу, Карло Халме, Леа Хело, Люли Гренлунд и др. Актеры часто гастролировали по республике, что способствовало развитию драматического искусства в национальных районах.

По всей республике возникали многочисленные профессиональные и любительские коллективы – театры, оркестры, хоры, художественные студии, агитбригады, фольклорные ансамбли. В 1933 г. республиканский Дом самодеятельного искусства объединял 389 самодеятельных кружков, 200 из которых являлись национальными². Во многих случаях, а в национальных районах повсеместно организаторами и руководителями этих коллективов были финны. Широкий резонанс, например, имел например лыжный поход актеров финского театра в северные национальные районы республики в феврале – марте 1936 г. За месяц 8 человек дали 43 выступления, на которых побывало 6 тыс. зрителей, оказали помощь 21 драматическому кружку, еще в 22 местах помогли организовать кружки художественной самодеятельности³.

Многое для пропаганды искусства делал образованный в 1931 г. в Петрозаводске Радиокomitee (Отто Вильми, Ханна Кангасниemi, Иоганн Лумивуокко). По радио звучали стихи и проза финноязычных писателей, передавались постановки национального театра. В 1933 г. был создан Симфонический оркестр Радиокomitee, возглавил который Леопольд Теплицкий. Однако вполне справедливо говорить о том, что у истоков профессиональных музыкальных коллективов, появившихся в Карелии в начале 1930-х гг., стояли американские финны. Среди североамериканских переселенцев было много людей, получивших за океаном музыкальное образование. Много было и любителей, и все привезли с собой любимые инструменты. В 1931 г. при Доме народного творчества в Петрозаводске был создан небольшой симфонический ансамбль, организатором и дирижером которого стал профессиональный музыкант Калле Раутио. Эмигрировавший в 1922 г. из США композитор, дирижер, педагог, собиратель фольклора,

¹ См.: НА РК, ф. П-3, оп. 6, д. 7821–7822; ф. 2872; *Никитин П.* Становление театра: К 90-летию со дня рождения Рагнара Нюстрема // Север. 1988. № 8; *Nyström R.* Johdatus näyttämötaiteeseen. Petroskoi, 1929.

² Карелы Карельской АССР. Петрозаводск, 1983. С. 202.

³ *Туорила С.* Театр на лыжах // На фронте мирного труда. Петрозаводск, 1976. С. 284–289.

Раутио стал одним из основателей композиторской школы Карелии¹. В его ансамбле из 15 участников было 11 американских финнов. В Симфоническом оркестре при Радиокomitee Раутио становится вторым дирижером, а в составе оркестра играют 15 американских финнов². К числу организаторов Союза композиторов республики следует отнести и композитора, альтиста Лаури Йоусинена.

В 1936 г. был организован Государственный ансамбль песни и танца «Кантеле», который сразу же завоевал признание публики. В числе солистов были кантелистки и певицы Кертту Вильянен и Милдред Лингстрём. Позже солисткой ансамбля стала Сиркка Рикка, которую прозвали по всему Советскому Союзу «карельским соловьем»³.

К 1930-м гг. относится становление профессиональной художественной культуры края. И здесь, наряду с такими известными живописцами, как Вениамин Попов, можно назвать имена талантливых иммигрантов – скульптора, работавшего с деревом, камнем, гипсом, Юрье Раутанена и живописца, художника театра Фредрика Линдхольма, много сделавшего для развития национальной сценографии⁴.

Финны во многом способствовали развитию физической культуры в республике – среди иммигрантов оказалось немало хороших спортсменов, защищавших честь Карелии на общесоюзных соревнованиях или становившихся тренерами, организаторами массового спорта. Можно вспомнить имена легкоатлетов Эрнеста Нива, Юджина Карху, Суло Никула, лыжников Джорджа Хилтунена, Аате Питкянена, пловчих Айру Хуусконен, Виолу Сандрос, Алису Вялима. Североамериканские финны научили Карелию играть в бейсбол: в 1933 г. в республике было пять мужских и две женские команды⁵.

Весьма существенным было влияние финнов-иммигрантов на повседневную жизнь, на культуру труда и быта населения Карелии.

Культурный шок, испытанный иммигрантами по прибытии в отсталую, бедную Карелию, особенно это касается американских финнов, заставлял их еще активнее пытаться в невыносимых условиях воссоздать вокруг себя хоть какое-то подобие уюта и комфорта, к ко-

¹ См.: НА РК, ф. П-3, оп. 6, д. 9122; *Тимонен А., Лапчинский Г.* Композитор К. Э. Раутио. Петрозаводск, 1964.

² Фамилии многих из этих музыкантов названы в книге Мейми Севандер «Скитальцы» (*Севандер М.* Скитальцы. О судьбах американских финнов в Карелии. Петрозаводск, 2006. С. 109–112).

³ См.: *Гаврилов М.* «Кантеле» – государственный ансамбль песни и танца Карельской АССР. Петрозаводск, 1959; *Гаврилов М.* 20 лет «Кантеле» // Север. 1966. №. 3; НА РК, ф. Р-3579, оп. 1, д. 1/1, л. 1–6.

⁴ *Такала И. Р.* Финны в Карелии и в России... С. 69, 156–159.

⁵ *Севандер М.* Скитальцы... С. 116–119.

тому они привыкли. Особенно страдали женщины, вынужденные из-за отсутствия хороших яслей и детских садов, сидеть дома. «Мы можем ходить в пять мест, — говорили женщины в лесных поселках, — в лавку, за дровами, в баню, на колодец и в уборную. Разве это может удовлетворить живого человека?»¹. Но люди не сдавались. В Кондопоге, например, в 1934 г. только на бумажной фабрике одновременно работали драмкружок и молодежная художественная агитбригада (руководитель — Сильфорс), агитбригада имени ФКП (руководитель — Гунделин), смешанный хор и оркестр (руководитель — Айрола), хореографический кружок (руководитель — Мальми) и физкультурная бригада домохозяек (руководитель — Наусси)².

Директор петрозаводской лыжной фабрики Илья Туомайнен первым в Карелии стал инициатором создания на противоположном берегу Петрозаводской губы в местечке Бараний Берег зоны отдыха для рабочих и служащих. На земельном участке, выделенном фабрике, были построены в 1934–1936 гг. клуб с библиотекой, кегельбан, танцевальная площадка, баня. Остальную часть земельной площади разбили на небольшие участки под строительство личных дач. Дирекция оказывала индивидуальным застройщикам помощь транспортом и содействие в приобретении стройматериалов, моторные лодки фабрики перевозили людей между городом и зоной отдыха³.

Это стремление к чистоте, разумной организации труда и быта, активность, удовлетворение культурных или спортивных потребностей в абсолютно непригодных для этого условиях не могли не повлиять на мировоззрение местного населения. В крестьянской Карелии, которая просто не знала ни дворянского, ни, по сути, городского быта, усилиями иммигрантов зарождается дачная культура, Петрозаводск и рабочие поселки танцуют фокстрот и чарльстон, слушают джаз. Появляется мода на хорошую мебель, одежду индивидуального пошива — среди иммигрантов было много хороших столяров, портних, парикмахеров. Конечно, вся эта индивидуальная трудовая деятельность или джазовые композиции на танцах не афишировались официально, но они постепенно входят в быт Петрозаводска и Кондопоги.

Таким образом, финский фактор оказал существенное влияние на развитие культуры Карелии конца 1920-х — первой половины 1930-х гг. Это период активного взаимодействия духовных и культурных ценностей русского, карельского и финского народов, что, несомненно, способствовало духовному обогащению всех народов, населявших

¹ НА РК, ф. П-3, оп. 3, д. 359, л. 12.

² Там же, л. 16.

³ Нурминен В. Г. На лыжной фабрике // На фронте мирного труда. С. 46.

республику, ускоряло культурный подъем края¹. Начавшаяся в республике с середины 1930-х гг. борьба с «финским буржуазным национализмом» нанесла невосполнимый урон финской культуре Карелии.

Финны-иммигранты и жители Карелии: проблемы взаимовосприятия

Отношения между иммигрантами и местным населением складывались в финский период истории Карелии весьма непросто. Во все времена и у всех народов процесс приспособления иммигрантов к новой среде воспринимался обществом как постепенное в нем растворение, протекавшее быстрее или медленнее в зависимости от индивидуальных особенностей приезжих. Стратегии поведения групп и индивидов в условиях новой культурной среды могут быть различными – от быстрой и полной интеграции до сепаратизма и маргинализации, как различным может быть восприятие принимающим населением мигрантов. Представляется, что применительно к первой половине 1930-х гг. говорить о готовности населения республики и иммигрантов полностью принять и понять культуры друг друга, пожалуй, не приходится. Проблема взаимного приспособления оказалась одной из наиболее острых для обеих сторон, и в обоих случаях были избраны на первых порах стратегии сепаратизма².

Как мы уже отмечали в предыдущих исследованиях³, в Карелии 1920–1930-х гг. местным трудящимся населением финские иммигранты воспринимались скорее не как единая этническая группа, а как несколько разнородных волн пришельцев-чужаков, представлявших, как казалось людям, угрозу их жизни и благополучию.

В первые послереволюционные годы население, прежде всего пограничных районов, непосредственно задействованное в событиях гражданской войны и сильно пострадавшее от военных действий и походов в Карелию финляндских добровольческих отрядов, могло вполне сочувственно относиться к сообщениям большевистских газет

¹ Подобные выводы звучали и в последних работах А. И. Афанасьевой. См.: *Афанасьева А. И.* Сосуществование и взаимовлияние русской и финской культур в Карелии (1920–1940 гг.). С. 45–47.

² *Takala I.* North American Finns as Viewed by the Population of Soviet Karelia in the 1930s // North American Finns in Soviet Karelia in the 1930s. Petrozavodsk, 2008. P. 199–201, 209.

³ *Такала И. Р.* Финны в восприятии жителей советской Карелии (1920–1930-е гг.) // Многоликая Финляндия. Образ Финляндии и финнов в России. Великий Новгород, 2004. С. 271–280; *Takala I.* Finnish immigrants in the Soviet Karelia in 1920s and 1930s – the study of ethnic identities // Challenges of Globalisation and Regionalisation. Proceedings I from the conference Regional Northern Identity: From Past to Future. Luleå, 2007. P. 57–69.

о «финской опасности» и испытывать вражду по отношению к «белофинским бандитам». Если, конечно, газетные лозунги становились известными крестьянам – большинство жителей Карелии газет тогда вовсе не читало. Однако чем ближе к границе, тем сложнее было убедить население в том, что их главным врагом являются соседи-финны. Реагируя на то, что происходит вокруг, люди скорее были склонны винить в наступившей разрухе новую власть, принесшую голод и безработицу. На этом фоне антисоветская пропаганда, шедшая со стороны Финляндии, во многом оказалась в те годы сильнее и эффективнее, чем агитация большевиков. Доказательство тому – тысячи карельских беженцев, которые опасность для себя увидели не в белофинских отрядах, а в пришедших к власти большевиках и искали спасения в белой Финляндии.

Новая власть поставила задачу «отвлечь внимание карела от Финляндии»¹, и сразу после окончания военных действий, летом 1922 г., в документах органов безопасности появляются директивы о необходимости усиления среди жителей приграничных территорий антифинской пропаганды. Во многих местах эту «контрфинагитацию» вели партийные и советские работники, сами по национальности финны. Правительство Э. Гюллинга посылало устанавливать советскую власть в национальные карельские районы красных финнов, полагая, что им легче будет найти общий язык с населением, плохо говорившим по-русски. Однако большинство из них были простыми рабочими с революционным энтузиазмом, минимальным образованием и полным непониманием особенностей местного крестьянского быта, что вызывало дополнительные проблемы при общении с населением. Политэмигранты с готовностью клеймили «финляндский белогвардейский режим», но эффективно бороться с голодом и безработицей им не всегда было по силам, тем более что в некоторые отдаленные районы Карелии из-за отсутствия дорог хлеб можно было доставлять только из Финляндии².

В результате в глазах местных жителей красные финны стали олицетворением новой власти и виновниками всех бед, обрушившихся на карел. В документах Карельского ГПУ 1920-х гг. можно встретить много примеров противостояния между местным населением и

¹ Карельская коммуна. 1922. 10 января.

² Закупки продуктов питания для пограничных районов Карелии производились в Финляндии вплоть до середины 1930-х гг.: при отсутствии надежных транспортных коммуникаций это был единственный способ организовать регулярное снабжение хлебом столь отдаленные местности. Согласно решениям Совнаркома СССР товары для нужд пограничного населения ввозились через границу беспощинно (СЗ СССР. 1924. № 14. Ст. 145; СЗ СССР. 1925. № 66. Ст. 494).

политэмигрантами. Сводки пестрели высказываниям типа: «У нас сидят пришельцы – финны, от них все беды», «Почему все финны занимают должности, а карелы нет», «Финны живут как в раю – все начальники и господа. Погибла Карелия»¹.

Резкое национальное противостояние между финским руководством районов и местным населением вызывала и политика «карелизации». Карельское население во многих местах пыталось сопротивляться введению в школах финского языка. Осенью 1925 г. в целом ряде мест Паданского и Ухтинского уездов, около 95 % населения которых составляли карелы, были зафиксированы весьма резкие антифинские высказывания. В селе Кимасозеро к концу сентября из 50 учащихся в школе осталось не более 10–12, а родители открыто заявляли: «школу с преподаванием финского языка можете закрыть». В Поросозере крестьяне на собрании жителей говорили: «Мы экономически связаны с Россией и если наши дети научатся только финскому языку, то не смогут иметь связь с Россией...». Детей в школу не пускали, мотивируя это тем, что «все равно ничему не научатся»².

К концу 1920-х гг. страсти вокруг финнизации школ несколько поутихли³, но недовольство по поводу карелизации советского и хозяйственного аппарата не угасало. Людей не устраивали порядки на местах («Почему все финны занимают должности в дистанции Кареллеса, а карел не допускают?»), и обобщения иногда выглядели очень опасно с точки зрения властей. Некоторые возвращавшиеся домой карбеженцы, например, говорили о том, что в Финляндии к ним относились очень хорошо, в то время как здесь «всем руководят финны, жизни от них нет», и призывали: «Прочь красных подлецов из Карелии»⁴. Подобного рода недовольство высказывалось и рабочими на предприятиях, которыми руководили финны: отмечалась дискриминация русских по сравнению с карелами и финнами в оплате труда, а также замкнутость финнов, их желание отдалиться, «держаться своей национальной группы». На Кондопожской бумфабрике рабочие говорили: «В Карелии есть два класса, господствующий финны и угнетенный русские и карелы, это надо изжить пока не поздно»⁵.

¹ См.: НА РК, ф. П-3, оп. 2, д. 365, л. 39, 41; ф. П-35, оп. 1, д. 39, 99–102; ф. Р-689, оп. 1, д. 28/325, л. 47.

² Там же, ф. Р-689, оп. 1, д. 15/145, л. 79, 118; ф. П-11, оп. 5, д. 29, л. 12.

³ Там же, ф. П-3, оп. 2, д. 365, л. 39.

⁴ Там же, ф. Р-689, оп. 1, д. 5/52, л. 78.

⁵ Там же, ф. Р-689, оп. 1, д. 8/81, л. 11; д. 15/145, л. 87, 91–92; ф. П-3, оп. 2, д. 365, л. 16, 62.

Вполне очевидно, что противоречия между красными финнами и местными жителями, по сути, являлись конфликтом населения с советской властью. Точно такой же антагонизм наблюдался в местах, где у руководства стояли сами же карелы, русские или, скажем, евреи. Так, жители карельских волостей Кемского уезда говорили: «В Карелии одна революция была, но придется сделать вторую, т. к. к нам нагнали много русских совработников», а рабочие Медвежьегорского лесозавода заявляли о «еврейском засилии», поскольку «руководящие должности заполнены преимущественно евреями»¹. Насаждаемый властями образ белофинна-завоевателя причудливым образом экстраполировался населением на местных руководителей. Буржуазная Финляндия и ее революционный пролетариат, страдавший, как писали газеты того времени, «под игом белого террора», были где-то очень далеко, а красные финны находились рядом, и именно они порой воспринимались жителями Карелии как «господа», мечтающие лишить карел их родины, а то и просто как «пятая колонна»². Этот образ «чужого» этнически был окрашен очень слабо, зато часто сливался с представлениями о буржуазной жизни — привилегии, которыми пользовались номенклатурная верхушка из политэмигрантов и североамериканские переселенцы, способствовали этому.

С началом массового переселения североамериканских финнов в Карелию республиканская пресса активно включилась в формирование положительного образа иммигрантов у населения. Республиканские и районные газеты печатали восторженные отзывы самих иммигрантов о стране Советов и рассказывали о трудовых подвигах приезжих. Газеты пестрели заголовками «Заимствовать опыт американцев», «Канадские рабочие в Карельских лесах», «Канадские лесорубы приветствуют обращение Обкома», «Ни один из нас не вернется обратно в Америку!», «Не рабы, а хозяева», «Мы приехали помочь»³. Однако в обществе сразу начинает формироваться совсем иной образ иммигрантов — слишком уж велики были различия в культурных приоритетах и ценностных ориентациях уже во многом урбанизированных североамериканцев и жителей бедной крестьянской Карелии. Американские финны воспринимались полуголодным местным населением так же не как этническая группа, а как «иностранцы», «нахлебники» и «буржуи», отнимающие у них права и работу.

¹ НА РК, ф. П-12, оп. 1, д. 365, л. 65; ф. Р-689, оп. 1, д. 8/81, л. 26, 68.

² Там же, ф. П-3, оп. 2, д. 365, л. 16, 39, 41, 62; ф. П-35, оп. 1, д. 39, 99–102; ф. Р-689, оп. 1, д. 8/81, л. 11; д. 15/145, л. 87, 91–92; д. 28/325, л. 47; д. 5/52, л. 78.

³ Красная Карелия. 1931. № 41, № 123, № 291; 1932. № 8, № 54, № 73.

Покидая Америку, иммигранты надеялись помимо всего прочего и на то, что они едут в страну, где царит равенство, нет кризисов и безработицы, все живут одной большой дружной семьей, вместе работают и отдыхают¹. В действительности они оказались в стратифицированном обществе, основанном на политическом и экономическом неравенстве различных социальных слоев. Однако теперь именно они оказались на одной из высших ступеней этого общества. Иммигранты были освобождены от обложения единым сельскохозяйственным налогом на десять лет и подоходным налогом на три года, имели право первоочередного получения жилья и поступления в учебные заведения, дополнительное снабжение и т. д.²

Сами американские финны прекрасно понимали особенность своего положения: «Мы были не какими-нибудь перебежчиками, а легальными иммигрантами, приехавшими по приглашению, работавшими по контракту. Мы имели особые права и особые привилегии»³. Иммигранты считали эти привилегии само собой разумеющимися: «Мы находились на особом положении, у нас была своя продовольственная норма <...>. Если бы не это, ни один из нас не смог бы прожить здесь в Карелии и недели»⁴. И им было совсем не понятно, как могло выжить местное население на столь нищенскую заработную плату, не получая никакого дополнительного снабжения: «В магазинах Инснаба покупали продукты только американские финны <...>. К тому же у нас были свои, особые нормы снабжения. Но как выжили русские люди, не имеющие таких надбавок, я не могу понять до сих пор»⁵.

Естественно, что льготы, которые имели иностранные переселенцы, были предметом зависти и поводом для ненависти со стороны местного населения. Рабочие говорили: «Американцы приехали сюда, чтобы есть наш хлеб!», «Понаехали к нам буржуи, их кормят, а русские рабочие хоть с голоду помрут, никто не позаботится»⁶.

На многих предприятиях заработная плата американских финнов была значительно выше, чем у местных рабочих, и не всегда это было обусловлено более высокой квалификацией приезжих. Так, например, средняя зарплата иностранного рабочего на Онежском заводе составляла 180 рублей, в то время как местного — лишь 100 рублей⁷.

¹ См., например: *Ranta K. Arpi korvassa ja sydämessä*. Helsinki, 2000. S. 41–45.

² НА РК, ф. Р-685, оп. 1, д. 2/16, л. 3.

³ *Ranta K.* Op. cit. S. 36.

⁴ *Tuomi K. Isänmattoman tarina. Amerikansuomalaisen vakoojan muistelmat*. Porvoo, 1984. S. 43.

⁵ Интервью с Э. Раутио. 25 мая 2002 г.

⁶ НА РК, ф. П-3, оп. 2, д. 790, л. 15; ф. П-1230, оп. 2, д. 9, л. 31; оп. 7, д. 6, л. 123.

⁷ Там же, ф. Р-685, оп. 1, д. 13/150, л. 73.

Рабочих возмущало то, что приезжим сразу устанавливали высокие оклады и что их ставили на выгодные работы в ущерб местным: «Мы работаем по пять лет, получаем по 204 рубля в месяц, а тут берут финнов, которые раньше не работали, и тоже с окладом в 204 рубля. <...> Где же справедливость?», «У нас в мастерской не любят русских, на все хорошие работы ставят американцев, а нас почти всех перевели работать поденно, зато мы так и работаем – в столовую, курилку, да в уборную»¹.

Сложные, нередко конфликтные взаимоотношения между иммигрантами и местным населением были обусловлены не только конкуренцией за ограниченные экономические ресурсы. Большое значение имела этнокультурная дистанция (различие в системе социальных ориентиров, ценностей и представлений о желательном порядке вещей), которая разделяла людей.

Приезжие очень многого не понимали и не принимали в окружающей их действительности. Если говорить о производстве, то наиболее острой была реакция иностранцев на несправедливость и обман при расчетах, на дезорганизованность работ, простые и постоянную штурмовщину, а также на бюрократизм и инертность руководства разного уровня. В отличие от русских рабочих, которые многое принимали как должное, иностранцы требовали от администрации нормальной организации труда, ликвидации простоев, высокой зарплаты, правильных расчетов, регулярного отпуска, хороших жилищных условий и т. д. В конфликтных ситуациях они нередко использовали те же методы, что и на капиталистических предприятиях: прекращение работы, забастовки, ультиматумы². Подобные действия вызывали недоумение и раздражение со стороны местных рабочих, а властями расценивались как полное непонимание иностранцами «практических вопросов нашего строительства, трудностей переходного периода и особенно тактики партии»³.

Разжиганию розни между населением и иностранными рабочими способствовала и неграмотная политика местных властей. Решения партийных и государственных органов о необходимости обеспечить достойные условия жизни и работы промпереселенцам на местах порой претворялись в жизнь самым абсурдным образом. Это выражалось и в необоснованно завышенных расценках заработной платы для

¹ НА РК, ф. П-1230, оп. 6, д. 10, л. 32; оп. 2, д. 9, л. 35.

² Это было характерно для всех иностранных рабочих, трудившихся в СССР. См.: Журавлев С. Производственные конфликты с участием иностранных рабочих на советских предприятиях 1930-х гг. Электронный ресурс: <http://www.hist.msu.ru/Labs/Ecohist/OB3/zhuravlv.htm>.

³ НА РК, ф. П-3, оп. 2, д. 790, л. 10.

иммигрантов, и в обеспечении жильем, в распределении продуктовых пайков и т. д. Документы начала 1930-х гг. пестрят свидетельствами того, что многие вспыхивавшие тогда конфликты между населением и иммигрантами были спровоцированы даже не столько действиями, сколько высказываниями местных чиновников, такими, например, как: «Продукты не для вас, а для американцев, а вы и так обойдетесь»¹ или «Вам нужно жилье? Я это знаю. У меня хотя и есть нормальное жилье, но вам я его не дам. Мы ждем квалифицированных иностранных рабочих, жилье бережем для них. А вы, что? Так, чернорабочие. Не можем же мы чернорабочим тоже давать жилье»².

Подливали масла в огонь и сами финны. Политэмигранты на местах, занимая те или иные номенклатурные должности, порой начинали вести себя как мелкие удельные князья (что было характерно, собственно, для всей советской системы управления), а многие североамериканские переселенцы весьма цинично и презрительно относились к местному населению, считая русских отсталыми, не способными к порядку и прогрессу людьми³. Находясь на ответственных должностях, они прежде всего старались помочь своим землякам, и делалось это порой в ущерб местным рабочим⁴. Было и немало случаев прямого сокрытия неприглядных поступков соотечественников. В документах встречаются жалобы рабочих, например, такого рода: «Иностранцы постоянно пьянствуют, прогуливают по 3 дня, администрация все знает, но мер никаких не принимает, тогда как нас, русских, за один день прогула выгоняют с завода, отбирают карточки и выселяют с квартир»⁵.

Очень непросто складывались отношения с местным населением и в быту, где еще ярче выявлялись этнокультурные различия. В Америке и в Финляндии те условия жизни, в которых оказались иммигранты, являлись нищенскими, убогими, в Карелии же они считались «богачами», «буржуями». Вещи, которые привозили иммигранты, были в диковинку местному населению, многого никогда прежде не видевшему. Одежда приезжих также сильно отличалась от того, в чем ходили местные жители. Стремление финнов даже в чудовищных условиях барачной жизни создать хоть какое-то подобие уюта и чистоты воспринималось соседями как мешанство и мелкобуржуазность.

¹ НА РК, ф. Р-685, оп. 2, д. 12/147, л. 25.

² *Аленкин Г.* Не хочу стать дезертиром // Красная Карелия. 1932. 17 сентября.

³ *Kotulainen E.* A Grave in Karelia. New-York, 1995. P. 24, 64; *Такала И. Р.* Финны в восприятии жителей советской Карелии (1920–1930-е гг.). С. 276.

⁴ НА РК, ф. П-1230, оп. 6, д. 10, л. 22.

⁵ Там же, ф. П-1230, оп. 7, д. 6, л. 76.

Особенно остро эти различия ощущали женщины. Советские женщины, трудившиеся до изнеможения наряду с мужчинами, не понимали, как можно сидеть дома с детьми, и называли финок «ту-неядками», «лентяйками», привыкшими в своей буржуазной стране жить «за чужой счет». Те в свою очередь презирали соседок за вечно грязные полы, неухоженных детей, запущенный двор¹. Власти фиксировали и эти конфликты: «Жены иноробочих, оторванные от производства, не знающие языка, ведут изолированный образ жизни и зачастую поддаются нездоровым настроениям на почве бытовых неполадок»².

Активность финнов – создание драматических кружков, хоровых студий, спортивных секций, организация собственного оркестра, различные мероприятия – вызвала открытое непонимание местного населения. Соседи просто не могли поверить, как в такое сложное время, не имея нормальных средств к существованию, можно заниматься какой-то добровольной деятельностью. Зачастую рождались подозрения, что американцы помимо инснабовского снабжения получают от финского руководства еще дополнительные средства, иначе, почему они могут петь, играть, заниматься спортом в то время, когда все голодают.

Важной причиной, затруднявшей процессы интеграции и провоцировавшей конфликты, был языковой барьер. Нежелание учить русский язык, что было свойственно многим иммигрантам, особенно женщинам, обуславливалось не только широким распространением в республике в первой половине 1930-х гг. финского языка. Это свидетельствовало и о том, что Карелия не стала для первого поколения иммигрантов родиной, и они продолжали ощущать себя здесь временными постояльцами. Полное неприятие окружающей действительности выливалось в крайне негативное отношение к русскому языку и нежелание знакомиться с местной культурой. «Как только мама видела русский алфавит, – вспоминала Мейми Севандер, – у нее тут же начиналось головокружение»³. Во многих случаях единственным связующим звеном с окружающим русскоязычным миром становились дети, которые гораздо быстрее и легче адаптировались в новых условиях.

Понятно, что большинство производственных и бытовых конфликтов были вызваны сложными причинно-следственными связями. За малозначительным, на первый взгляд, поводом (таким, например, как

¹ Интервью с Э. Леметти. 28 февраля 2002 г.

² НА РК, ф. П-3, оп. 2, д. 790, л. 20.

³ *Sevander M. They took my father: A Story of Idealism and Betrayal. Duluth, 1991. P. 49.*

проигрыш русскими финнам в шахматы¹) нередко прослеживается целый ряд существенных скрытых причин. Чаще всего при изучении конкретного конфликта выявляется постепенное накопление и наложение разнородных факторов, приводящих к срыву, — от конкретных недостатков на производстве и бытовых неурядиц до специфики восприятия иностранцами всех аспектов советской действительности и серьезных культурно-ментальных различий. Для населения Карелии все в приезжих было чужое — и манера работать, и инструменты, и образ жизни, и одежда, и поведение в быту, и реакция на окружающую действительность. Поэтому на все жалобы иностранцев о плохом питании, жилищных условиях, на недостатки в работе ответ зачастую был один: «Езжайте в свою Финляндию или Америку, буржуйам нечего здесь делать!»².

Зато на бесправных перебежчиках население и администрация мест, где их заставляли работать, отыгрывались сполна. Здесь «господами» были местные жители, а финны низводились до положения рабов. При этом, как и американцам, на любую жалобу им отвечали: «Вы приехали есть наш хлеб, хотя у нас самих мало. Надо было оставаться в Финляндии, раз дома лучше»³.

В создавшейся ситуации вполне понятно стремление иммигрантов самоизолироваться, замкнуться в тесном мире себе подобных. Обычно иностранцы селились компактно, старались работать отдельными коллективами, как можно меньше соприкасаясь с местными рабочими, администрацией и соседями. Отдыхать и общаться они также предпочитали в своей среде. Изоляционизм финнов, который впоследствии послужил одним из поводов к обвинению всех иммигрантов в буржуазном национализме, был формой самосохранения.

По мере того как изменялась обстановка (отмена инснабовских норм, уравнивание в правах, реэмиграция самых недовольных, совместная трудовая деятельность, улучшение условий жизни и т. д.), менялось и отношение населения к иммигрантам. В новой ситуации, когда в республике начинает набирать обороты борьба с «финским буржуазным национализмом», местное население постепенно осознает, насколько приезжим, привыкшим к совершенно другим условиям жизни, тяжелее, чем им самим. С конца 1933 г. в документах практически перестают появляться свидетельства о конфликтах местного населения с иммигрантами. Наоборот, в архивных материалах сере-

¹ НА РК, ф. П-6153, оп. 3, д. 253, л. 113.

² Там же, ф. П-3, оп. 2, д. 790, л. 15; ф. П-1230, оп. 2, д. 9, л. 31; оп. 7, д. 6, л. 123.

³ Там же, ф. П-3, оп. 2, д. 790, л. 12–16. Подробнее см.: *Такала И. Р.* Финны в Карелии и в России... С. 33–61.

дины – второй половины 1930-х гг., так же как в воспоминаниях и интервью самих финнов, можно отыскать свидетельства сочувствия к гонимым и примеры многочисленных случаев взаимопомощи, когда местные старались поддержать иммигрантов в критической ситуации¹. Именно тогда, как вспоминает одна из приехавших, «мы чувствовали, что постепенно начинаем понимать друг друга. Хотя мы еще совсем плохо знали язык, но могли как-то договориться, что-то обсудить. Мы, дети, часто переводили родителям то, что говорили русские»².

Вместо заключения

В современной литературе периодически возобновляются дебаты о так называемых «панфинских» амбициях красных финнов и Эдварда Гюллинга³. Представляется, что мнение о Гюллинге как о финском националисте и апологете «Великой красной Финляндии»⁴, базирующееся в основном на очень немногочисленных его высказываниях начала 1920-х гг., является ошибочным, никак не соотносящимся с действительными намерениями верхушки красных финнов, оказавшихся в Карелии. Весьма показательной в этом плане является трактовка разными исследователями цитированного выше письма Гюллинга к Юрье Сиrolа, написанного в марте 1920 г.⁵ На наш взгляд, этот документ со всей очевидностью свидетельствует как раз об обратном: политическая риторика и реальное поведение Гюллинга и верхушки красных финнов в первые годы становления карельской автономии определялись не финским национализмом, являвшимся

¹ См., например: *Miettinen H., Jогanson K.* Petettyjen toiveiden maa. Saarijärvi, 2001. S. 31; Интервью с Т. Прянно. 5 апреля 2002 г.

² Интервью с Т. Прянно. 5 апреля 2002 г.

³ *Баданов В.* Панфиннизм в Карелии // Петрозаводск. 1992. № 64. С. 10; № 65. С. 11; *Соломещ И., Такала И.* Еще раз о панфиннизме // Петрозаводск. 1993. № 5. С. 10; *Соломещ И.* Панфиннизм и Советская Карелия: была ли «Великая Финляндия» мечтой «красных финнов»? // Национальная государственность финно-угорских народов северо-западной России (1917–1940 гг.). Сыктывкар, 1996. С. 18–22; *Кангаспуро М.* Карелия на перекрестке панфиннизма и русификаторства в 20–30-х годах // Там же. С. 29–39; *Барон Н.* Указ. соч. С. 279–307; *Кауппала П.* Указ. соч. С. 309–337; *Такала И. Р.* Красные финны – панфиннисты или пролетарские интернационалисты? // XVI конференция по изучению Скандинавских стран и Финляндии: Материалы конференции в 2 ч. Ч. 1. Москва; Архангельск, 2008. С. 277–279.

⁴ *Кангаспуро М.* Финская эпоха Советской Карелии. С. 132; *Kangaspuuro M.* Op. cit. S. 43–46, 94–99; *Барон Н.* Указ. соч. С. 281–282, 290; *Мусаев В. И.* Указ. соч. С. 378–379.

⁵ См.: *Левкоев А. А.* Национально-языковая политика... С. 4–5; *Кишин Ю.* Указ. соч. С. 41–42; *Барон Н.* Указ. соч. С. 280–282.

продолжением идеологии «правых финских патриотов»¹, а исключительно политическими императивами. Идея мировой социалистической революции и вера в близость ее владела тогда умами не только российских большевиков. Кроме того, Восточная Карелия могла стать укрытием для финляндских политических беженцев и их семей. Для Гюллинга автономная Карельская коммуна, предназначением которой являлось «подготовлять в идейном отношении почву для Финляндской революции», должна была безусловно при этом оставаться «частью Советской республики великой России не только политически, но и экономически и относительно обороны»². Следует учитывать и то, что во многом политическая риторика Гюллинга — реалиста, ученого и опытного политика — была обусловлена и необходимостью убедить Москву в целесообразности создания КТК³.

По мере того как таяла уверенность в скорой победе мировой революции и менялась ситуация в самой России, менялись поведение и риторика карельских властей. Продолжая работу по развитию республики, политическая верхушка красных финнов все больше сосредоточивалась (особенно после 1929 г.) на внутренних проблемах КПФ, о чем свидетельствует, в частности, деятельность в Карелии в начале 1930-х гг. так называемых опорных групп финской компартии, главной задачей которых был подбор и подготовка руководящих кадров для будущей социалистической Финляндии⁴. Происходившие в советском обществе изменения лишь усиливали стремление финских коммунистов полностью сосредоточиться на собственных проблемах. Искушенные в политических играх, они раньше других поняли, что грядут суровые перемены, и попытались сориентироваться в новой обстановке. При этом в диалоге с Москвой, который становился все более напряженным, Гюллинг продолжал использовать все те же понятные центру и ставшие уже традиционными формулировки о Карелии как «форпосте советской власти на севере <...>, на примере которой пролетариат Финляндии мог бы видеть, что рабочий, освободившийся от капитализма, может строить свое государство и социализм»⁵.

¹ Барон Н. Указ. соч. С. 282.

² Письмо Э. Гюллинга Ю. Сиrolа. С. 258.

³ Примерно так же оценивали высказывания Гюллинга Алексей Левкоев и Пекка Кауппала. См.: Левкоев А. А. «Правильная политика». Крестьянский фон политики финляндского коммунистического руководства Советской Карелии в 1920-е гг. С. 23; Кауппала П. Указ. соч. С. 332.

⁴ См.: Takala I. Suomen kommunistinen puolue ja Karjala 1930-luvulla // Carelia. 1994. N 9. S. 136–147; Takala I. P. Финны в Карелии и в России... С. 93–107.

⁵ НА РК, ф. П-3, оп. 3, д. 5, л. 72–73, 77–80.

Возобладавший в начале 1930-х гг. метод силового решения языкового вопроса, который некоторые исследователи расценивают как яркий пример панфинских амбиций красных финнов¹, на самом деле во многом был спровоцирован высшим советским руководством, взявшим курс на ужесточение политики «коренизации» в республике². Усиление финнизации наряду с экономическими трудностями и переменами в политической жизни обостряли напряженность между властью и населением, что дало возможность Москве уже в 1933 г. начать критику экономической и национальной политики руководства Карелии. В условиях, когда решения о борьбе с «местным национализмом» снова загоняли финских коммунистов в подполье, говорить о «красном панфиннизме» по меньшей мере беспочвенно. Тем более что, в отличие от большинства своих соплеменников, политическая верхушка красных финнов, судя по всему, продолжала идентифицировать себя, прежде всего, как коммунистов и пролетарских интернационалистов и лишь потом как финских патриотов.

«Финский период» в истории советской Карелии закончился в 1935 г., что было обусловлено переменами, происходившими в стране и вызванными целым комплексом внутри- и внешнеполитических причин. В условиях форсированного «социалистического штурма» и осложнявшейся внешнеполитической ситуации тоталитарное советское государство готовилось к тотальной войне и пыталось всюду ликвидировать ненадежные (и даже гипотетически ненадежные) элементы, что происходило и по национальному признаку. Сталинское руководство все жестче старалось поставить под контроль центра все сферы жизни общества. В этих условиях излишняя самостоятельность окраин, особенно приграничных регионов, расценивалась центром уже как угроза целостности государства. Время экспериментов кончилось, и карельская автономия, созданная при помощи красных финнов в эпоху гражданской войны в совсем иной международной ситуации, в середине 1930-х гг. выглядела в глазах Москвы опасной аномалией, а ее финское руководство – пятой колонной.

Борьба с «местным национализмом», в результате которой во многих национальных образованиях СССР было поменено руководство, в Карелии после 1935 г. выливается в борьбу с «финским буржуазным национализмом». Руководство республики было обвинено в «антипартийной националистической деятельности» и «тяготении

¹ *Kangaspuro M.* Op. cit. S. 143–147, 238–241.

² *Takala I.* Neuvostovallan kielipolitiikka Karjalassa 1920–1930-luvulla // Carelia. 2004. N 7. S. 125–129.

в сторону буржуазной Финляндии», Гюллинг был отстранен от должности и отозван в Москву. Финнов снимали с руководящих постов, исключали из партии, многие уже в 1935–1936 гг. были арестованы¹. Во время большого террора репрессиям были подвергнуты почти две трети всех финнов Карелии, около 4 тыс. человек в 1937–1938 гг. были расстреляны, в том числе и первый глава карельской автономии Эдвард Гюллинг.

¹ Подробнее см.: *Такала И.* Национальные операции ОГПУ/НКВД в Карелии // В семье единой... С. 161–206.